

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 33

1983

Владимир ПАВЛОВ

ПАРТИЗАНСКИЕ БЫЛИ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 33

Владимир ПАВЛОВ

ПАРТИЗАНСКИЕ БЫЛИ

РАССКАЗЫ

Москва, Издательство «ПРАВДА»
1983

Владимир ПАВЛОВ
(1921—1975)

Владимир Владимирович Павлов родился в Москве. После окончания средней школы в 1939 году был призван в армию, служил в 214-й воздушно-десантной бригаде. Специальность десантника предопределила военную судьбу В. Павлова: в годы войны он сражается в тылу врага, сначала в десантной бригаде, а затем в соединении партизанских отрядов дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова.

В апреле 1943 года подпольный Волынский обком КП(б)У принял Владимира Павлова кандидатом в члены ВКП(б). С мая 1947 года он член партии.

За мужество и отвагу, проявленные в борьбе с фашистскими захватчиками, Владимиру Павлову было присвоено звание Героя Советского Союза. Он награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды и медалями.

После войны В. Павлов окончил Московский институт инженеров транспорта, строил железнодорожные мосты, работал мастером, прорабом, начальником мостостроительного поезда.

С 1956 года — журналист; работал в «Строительной газете», «Литературной газете», «Экономической газете», в журнале «Огонек». Последняя его должность — главный редактор газеты «Голос Родины».

В 1974 году Владимир Павлов был принят в Союз советских писателей. Им написаны книги: «Закон мужества», «Гудки в тайге», «Бригада трижды уничтоженных», «Взрыв», «Генерал Орленко», «Соль партизанской земли», «Я отвечаю за все» и другие.

ПРОВОДНИК

Я познакомился с Миколой Слупачеком 6 июля сорок третьего года под Ковелем.

Ковель — крупный железнодорожный узел. Пять важных стратегических линий расходятся из него: на Сарны, на Ровно, на Брест, на Люблин, на Новгород-Волынский.

Перед нашим партизанским соединением дважды Героя Советского Союза генерал-майора А. Ф. Федорова стояла задача — блокировать эти линии, прервать или хотя бы сократить движение гитлеровских эшелонов.

Это было тем более важно, что именно через Ковель шел подвоз военных грузов к Курску, под которым фашистское командование только что начало операцию «Цитадель»...

6 июля наша диверсионная рота во главе с заместителем командира соединения по диверсионной работе старшим лейтенантом Егоровым двинулась на ближайшую к лагерю дорогу Ковель — Сарны. Нам предстояло совершить первую пробную установку новых по тем временам мин замедленного действия, которые партизанские подрывники окрестили ласковым прозвищем «эмзедушка».

Кроме нашей диверсионной роты, на дорогу шли еще рота и подрывной взвод отряда имени Щорса под общим командованием комиссара Пысенкова, кинооператор «Союзкинохроники» Михаил Глидер и его верный адъютант Помазанка.

Итак, к вечеру 6 июля мы подошли к селу Галузье, в котором, как доложила разведка, расположился местный партизанский отряд.

После долгого, утомительного марша я и мои товарищи — Гриша Мыльников, Володя Клоков и Саша Машуков развалились в тени деревьев, в небольшом садике, окружавшем «штабную» хату. Вечерний ветерок забирался под наше партизанское обмундирование — под гимнастерки, трофейные немецкие кители, под штатские пиджаки и приятно охлаждал тело. Мы только что основательно поужинали и теперь подумывали о ночлеге. Но спать не пришлось.

В штабной хате раздался сильный шум, и на пороге появились высокие фигуры Пысенкова и Егорова.

— А ну, сюда! — кивнул Егоров мне и Клокову.

Мы с Володей встали и приблизились к командиру.

— Вот что, орлы, — вполголоса проговорил Егоров. — Есть шанс отличиться! Проводников нам дали. Нечего откладывать, берите эмзедушку, тол и шагом марш!

Он прищурился и слегка подзадорил:

— Может, устали?.. Может, других назначить?..

Мы с Володей переглянулись. Устать-то мы, конечно, устали... Но какой подрывник откажется установить первым новую мину? А главное, первым открыть счет взорванных немецких эшелонов на линиях Ковельского узла!

Через полчаса мы выступили. Наша группа состояла из двух минеров — Володи Клокова и меня, взвода охранения под командованием Гриши Сентяя и трех проводников.

Старший из проводников — по имени Стефан — был долговязым парнем в пилотке, надетой поперек головы на манер папахи и с польским пистолетом «Висс», за неимением кобуры пристроенным к поясу сложной системой из проволоки и веревок. Другого — разговорчивого светловолосого парня в дмотканой свитке, с винтовой какой-то невиданной системы звали Иваном.

Третий, угрюмый, сутуловатый, был Микола Слупачек. У Миколы не было оружия. Но его потрепанный пиджачок был крест-накрест пересечен пулеметными лентами, и за голенищем торчал нож.

Сумерки застали нас на опушке леса, примыкавшего к железной дороге. Мы сделали короткий привал, и Стефан с Иваном тотчас заспорили: Стефан утверждал, что нужно идти к «цегельне, вид якої до залізницы нема и шагу», Иван требовал ставить мину «на гуре, била мосточка»...

Микола не принимал участие в споре. Он сидел у пенька, на котором лежала его тощая торба, и не спеша строгал ножом палочку.

— А по-твоему, как? — спросил у Миколы Сентяя.

— По-моему?.. А треба просто идти. Тут до залізницы висим километрив, не бильш! И место подходящее — лис...

Стефан и Иван замахали на него руками, доказывая, что прямо идти никак нельзя, что «тут и станция близько, и будка, де нимци сидять» и что «не знае вин, Микола, сам що каже!»

Микола промолчал. «Я сказал, что думал, — показывал он всем своим видом. — А там — как знаете!»

— Ты не ошибаешься? — озабоченно посмотрел на него Сентяя. — Не заведешь?

Микола усмехнулся.

— Ось тут наше поле! — показал он рукой вдоль опушки. — А в этом лиси я скотину пас. Наймитом у пана!

Может, потому, что эти доводы показались убедительными, а может, и потому, что Иван и Стефан выглядели чересчур светливыми, Сентяй сказал Миколе:

— Ты поведешь!..

Мы двинулись просекой. Под ногами чуть слышно шелестела трава, посеребренная поблескивающими в тусклом свете месяца капельками росы. В сапоги проникала сырость. Никто не произносил ни слова: у дороги не то что говорить — запрещается кашлять и даже дышать громко.

Наконец, лес слева от просеки кончился и совсем недалеко показались огоньки станции. Донеслись сонное покрикивание маневрового паровоза, лягз буферов и ленивый перебрех собак.

Впереди, прямо перед нами, тускло взблеснули рельсы.

Мы остановились, сгрудились плотной группой вокруг Сентяя.

Володя Клоков тихо проинструктировал:

— Два человека с нами. Остальные — в охранение. Пойдет патруль — подпускать поближе и — бей! И не отходить, пока не кончим!

По неписаному партизанскому закону вся полнота власти у линии железной дороги переходила к подрывнику.

Сентяй шепотом перечислил фамилии — кому влево, кому вправо, и люди неслышно растаяли в темноте.

— Товарищи, разрешите и я разом с вами? — шепнул Микола. — Я тильки побачу! А?!

Мы не ответили. Мы тщательно отряхивали себя руками: не дай бог, пристанет гравинка, веточка, бумажка какая-нибудь! Оставишь на «железке» — пропало все дело! Немцы сразу обнаружат мину.

Наше молчание Микола принял за согласие и вместе с нами полез на насыпь...

Володе Клокову пришлось немало повозиться, прежде чем он выкопал яму. Сначала он ощупью собрал и отложил в сторонку камешки, оказавшиеся наверху. Потом лопатой осторожно срезал верхний слой балласта и тоже отложил его отдельно на разостланную меж рельсами плащ-палатку. И только после этого начал копать. Слежавшийся балласт поддавался туго. Лопата скребла, как о железо. Володя сквозь зубы шипел проклятия, помяная всех святых...

А я тем временем монтировал мину. Обмотал изоляцией оголенные провода в местах соединений, установил получасовое замедление, воткнул детонатор в запальную шашку...

Наконец, яма готова. Мы запихали в нее заряд, установили мину. Я положил на кнопку неизвлекаемости грузик — четырехсотграммовую толовую шашку, и, придерживая ее левой рукой, взялся правой за предохранитель.

— Засыпай! — шепнул я.

Володя руками стал сгребать с плащ-палатки землю, утрамбовывая ее вокруг мины кулаком. Скоро я почувствовал, что руки мои засыпаны. Наступил решающий момент — снятие предохранителя. Это самая ответственная часть установки мины. Зазоры между контактами меньше миллиметра. Чуть не так шевельнул пальцем — взрыв. Конечно, и я и Володя на тренировках, когда в мину вместо взрывателя была подключена электрическая лампочка, не раз снимали предохранители. На тренировках все получалось гладко, без задоринки. Но здесь, в полной темноте, на железной дороге, по которой вот-вот пройдет вражеский патруль, с настоящей боевой миной, начиненной десятью килограммами тола, здесь все выглядело иначе.

— Давай под насыпь! — сказал я. — Снимаю!

Володя пробурчал в ответ что-то невразумительное и еще ближе пригнул голову к мине.

Медленно, чуть двигая пальцами, я потащил предохранитель. Чуть... Еще чуть... Еще... Есть!

Палочка освободилась. Я осторожно вынул руки из ямки, сунул предохранитель в карман — представить Егорову как вещественное доказательство — и облегченно вздохнул:

— Готово!

Володя разогнулся. Мы быстро засыпали яму, осторожно уложили верхний слой, камешки, щепки, — все, как было. Для маскировки я несколько раз прошелся по мине: я был обут в немецкие сапоги. Микола подхватил плащ-палатку с оставшейся землей и потащил в лес высыпать.

Мы осторожно переступили бровку насыпи, чтоб не оставить следов, и тоже пошли к лесу.

Когда все собрались в лесу, по путям, стуча сапогами о шпалы, прошел патруль. Теперь нам это безразлично. Главное сделано. Остается посмотреть, как взорвется мина, и можно идти докладывать начальству. Так по крайней мере нам казалось.

Состояние у нас было приподнятое. Все с нетерпением ждали рассвета. Как всегда после пережитого, до смерти хотелось курить. Мы по очереди закутывались с головой в плащ-палатку, подтыкали ее со всех сторон, чтоб нигде не осталось ни единой щелочки, и вылезали вымазанные землей, пропахшие дымом, но вполне счастливые.

Медленно наступал рассвет. Лежа и сидя на желтой, усыпанной прошлогодней хвоей земле, мы напряженно вслушивались: ничего подозрительного. В семь, когда солнце стояло уже высоко, наблюдатель, выставленный на опушку, доложил, что прошел патруль и мину не заметил. Мы с Володей самодовольно переглянулись.

Вскоре где-то справа возник посторонний шум. Он приближался, усиливался. Отчетливо доносились перестук колес и знакомое паровозное — чща-чщу, чща-чщу...

Поезд шел довольно быстро, но нам казалось, что он ползет, как черепаха. От напряжения все привстали, вытянули шеи... Сейчас!..

Но ничего не случилось. Шум поезда переместился влево и постепенно стал затихать. С поста прибежал наблюдатель. Удивленно, как будто нам и так не было понятно, сообщил:

— Ничего ему не сделалось!..

Издали донесся гудок. Володя Клоков, который до войны работал на железной дороге, со знанием дела отметил:

— Пошел на проход! Без остановки!

Может, следующий поезд взорвется? — с надеждой в голосе спросил Сентяй.

Но прошел второй поезд, за ним третий, а взрыва все не было.

Мы с Володией чувствовали на себе угрюмые взгляды товарищей. Кто ж, как не мы, виноват, что зря затрачена такая уйма труда! Шли, тащили на себе эту треклятую тяжеленную мину, рисковали головами на линии во время установки, ждали... И, оказывается, все впустую!

Только Микола не разделял всеобщих сомнений и был непоколебимо уверен, что взрыв обязательно произойдет.

— Ще выбухне! От побачите, ще выбухне! — твердил он.

Сидеть и ждать было просто невтерпеж. Я решил выйти на железную дорогу и посмотреть, что там происходит.

— Пойдешь со мной? — спросил я Миколу.

— Пиду! — с готовностью отвечал он. — А може, вы мени стрельбу дадите?

Я попросил Сентяя, и он дал Миколу винтовку, отобрав ее у одного из своих подчиненных.

Вдвоем прошли мы сто метров, отделявшие нас от опушки, раздвинули ветки и увидели железную дорогу. На путях стоял человек в немецком кителе и рассматривал что-то у себя под ногами: «Заметил мину!» — догадался я.

— Це залізничний полицай! — шепнул Микола. — Наймит німецький! Зараз побижить, скаже!

Я выступил из кустов, поднял автомат к плечу и скомандовал:

— Вверх руки! А ну ко мне!

Полицай вздрогнул. Поднял голову. И вдруг побежал.

Терять было нечего. Я нажал спусковой крючок. Моя очередь заставила его споткнуться, но он не останавливался. Еще минута — и он исчезнет за поворотом. Я слал ему вдогонку очередь за очередью. Но то ли оттого, что я торопился, то ли он был уже вне досягаемости автомата, попасть я не мог.

Рядом хлопнул одиночный винтовочный выстрел. Полицай упал, скатился в кювет и замер. Я посмотрел на Миколу: он поднимался с колена. В руках у него дымилась винтовка.

— Готов! — сказал Микола. — Зараз идем быстрее!

Со станции захлопали выстрелы. Кашлянул миномет. Над головами прошелестела мина и гулко рванула где-то позади. Единным духом добежали мы до своих.

Задерживаться нельзя было ни на минуту. Сентяй выслал вперед походное охранение, и мы двинулись в обратный путь.

Я шел последним. На душе хуже некуда. Вот тебе и пробная установка новой мины! И что теперь мы доложим Егорову?

Микола, понимая мое состояние, шел рядом и старался меня успокоить.

— Та вы не журитесь! Она ще выбухне! Ось побачите!

— Эх, Микола, Микола! Ничего-то ты, друг, не знаешь!

— Выбухне! Ось побачите! — не сдавался Микола.

Мы уже подходили к противоположной опушке, когда позади вновь раздался шум поезда. На сей раз никто даже не обернулся.

И вдруг ударил взрыв! Его звук, глухой и тяжелый, прокатился по лесу, плеснул воздушной волной в уши и умчался в чащу.

Микола закричал:

— Ура! Сработала! А я що казав?!

Группа остановилась.

— Вернись! — сказал я Володе. — А вы идите в лагерь!..

Волода сначала не соглашался. Но ему и самому очень уж хотелось узнать, что там взорвалось. А не могли немцы просто-напросто взрывом обезвредить мину? И после того как я торжественно пообещал «только глянуть одним глазком» и тут же возвращаться, скрепя сердце отпустил. Проводником со мной вызвался идти Микола.

Мы двинулись лесом, потому что на просеке наша группа, конечно же, оставила след и можно было наткнуться на немцев. Кто знает, может, будет погоня?

Микола шел чуть впереди неслышным шагом настоящего лесного жителя-полесовщика. Есть такой особый шаг, к которому уроженец лесных мест привыкает с самого раннего детства. Под его поступью не треснет сухая ветка, не примнется трава, не чавкнет топь. Кажется, не останется и следа... Вот так и шел Микола. Он ни разу не оступился в яму, скрытую под густой порослью черники и голубики; отгибая ветку, чтоб пройти, он делал это так, чтоб ветка, выпрямляясь, оставалась неподвижной, не хлестала по лицу идущего сзади. А когда встречалось препятствие — упавшее дерево или колдобина, за-полненная стоячей водой, коротко предупреждал:

— Пид ноги!..

Метров за пятьдесят от «железки», когда сквозь деревья уже просматривались вершины телеграфных столбов, Микола остано-вился.

— Десь тут есть рив.

— Какой еще ров?

— Окопы. Ще з той войны остались. Ось!..

Старые, с пологими, заросшими травой стенками окопы, оставшиеся еще со времен империалистической войны (в этих местах когда-то шло наступление Брусилова), сослужили нам хорошую службу. По узкому ходу сообщения, начинавшемуся еще в лесу, мы выползли на откос выемки и притаились в кустах, прикрывавших старое пулеметное гнездо, метрах в двадцати от железной дороги. Я осторожно раздвинул ветки. Внизу, на путях, вкривь и вкось лежали разбитые вагоны и платформы, парил паровоз, развернувшийся поперек рельсов, торчали развороченные радиаторы и кузова грузовиков. Все вокруг было запорошено чем-то белым (позже мы выяснили — мукой). Ярко блестели на солнце целые кучи консервных банок. «Ого! — подумал я. — Подходящая мина!»

Вокруг разбитого состава возились немецкие солдаты. Что-то кричал, размахивая руками, офицер в фуражке с высокой тульей. На противоположном скате выемки стоял пулемет, возле него часовые. Микола ткнул меня в бок, показал глазами на офицера, потом перевел взгляд на винтовку.

Я вспомнил Володины наставления и молча погрозил ему кулаком...

Эх, и хорошо возвращаться домой с удачно выполненного задания! Все время наперебой с другими говоришь. Припоминаешь все мелочи только что пережитого. Выискиваешь самое смешное. Да, кажется, и страшного-то ничего не было: все представляется веселым и простым.

В такой момент не думаешь ни о какой опасности, не думаешь о том, что и до лагеря-то еще надо дойти и по пути может встретиться немало неожиданного.

После того как мы с Миколой основательно разобрали все перипетии этой ночи и утра, как-то само собой получилось так, что Микола стал рассказывать о себе.

Кажется, это началось с того, что я спросил:

— А ты давно партизанишь?

— Месяца два, як у загони.

— А что ты делал до того, как попал в отряд?

— А у Ниметчини був. Як прийшли до нас нимци — мене и забрала. Спочатку на фольварку робыв у хозяина. Потим утик — пиймалы.

— Ну?

— Ну спросылы: чогу утекал? Колы б сказал, що до дому хотив, назад бы повернулы. А сказав правду, що хозяин мой — кат, чуть что — в палки да и не кормит зовсим... Ну, мени плетюганов дали и в лагерь, в Эссен, на заводе робыть... Я знов утик. Аж до Польши добрався... Йисты раз зашел попросить — на жандарма наскочил!..

— Вернули назад?

— Судили. Засадил в тюрьму во Франкфурте-на-Майне. Почали на работы гонять — я знову тикать. Тепер уже умный був. В села и носу не казав...

— А как же ты кормился?

— Лес — вин прокормит! Где ягоды, где грибы. Где травка... Ты ж городской, не знаешь. А я в лесу завжды сыт буду!..

Помню, меня поразил рассказ Микола. Глядя на его небольшую легонькую фигуру, я никак не мог представить, откуда нашлись у него сила и воля трижды бежать из-под стражи, одному, без оружия, пересечь всю Германию, Польшу и Чехословакию, перевалить Татры, переправиться через Эльбу, Вислу, Сан, Буг...

С этого дня стал Микола моим постоянным спутником. Вместе с ним мы поставили не один десяток мин на железной дороге Ковель — Сарны от Чарторыйска до Повурска, на которых нашли свой конец, так и не дойдя до фронта, много гитлеровских эшелонов с войсками и техникой...

В бою с немецким патрулем Микола обзавелся собственной винтовкой и пистолетом, оделся в немецкие офицерские сапоги, в шинель и китель, на которых, согласно партизанской моде, оставил без заплат дыры от пуль, поразивших прежнего его владельца.

Словом, стал настоящим партизанским диверсантом. И только одна его мечта не сбылась — собственными руками поставить мину...

В начале октября я взял Миколу с собой в лагерь нашего партизанского соединения, расположенный неподалеку от деревни Езерцы.

Лагерь к этому времени основательно изменился.

Вместо шалашей и палаток из парашютного перкаля появились благоустроенные, с партизанской точки зрения, землянки. Кухни — места, где разводились костры и готовилась пища, обнесли аккуратными березовыми заборчиками, пространство внутри которых посыпано песком. Рядом построили из жердей столы и скамейки. Штаб разместился в роскошном рубленом доме, реквизированном у какого-то полицая и перевезенном в лес. Был даже «театр» — помост, вокруг которого располагались ровики для сидения.

— Эге ж! — пошутил Микола. — Та тут, я бачу, цилэ мисто!

Прежде всего мы с Миколой заглянули в нашу подрывную землянку, которая располагалась в низком месте, и в ней под дощатым настилом пола хлюпала вода. За это землянку окрестили «крокодильим болотом».

Возле печки, сделанной из трофейной немецкой бочки, что-то штопала наша повариха Софья Осиповна. В дальнем углу ездовые резались в «тысенцу» — в тысячу и одно, расплачиваясь вместо денег автоматными патронами.

— Ай, Володька! — обрадованно воскликнула Софья Осиповна, когда мы вошли. — А я все думаю: и где наш Володька подевался?

Она помолчала и тише прибавила:

— А не найдется у Володьки какая заваливающая одежонка для Верки? Совсем обносилась девчонка!..

Верка — семнадцатилетняя дочь Софьи Осиповны — сидела тут же, возле матери. Услышав разговор об одежде, а может, потому, что заметила Миколу, она трянула густыми рыжими волосами и надменно отвернулась.

Просьба Софьи Осиповны не была для меня неожиданностью.

— А ну, диверсант, поднеси дивчине подарок! — сказал я Миколу.

Микола вынул из своей торбы шелковую косынку и неловко сунул ее в Веркины руки. Та развернула и обрадованно воскликнула:

— Гляньте, мамо, совсем такая хустка, что вы подарили мне перед войной в Корюковке! Ой, спасибо!

Она накинула косынку на голову, посмотрела в осколок зеркала и состроила Миколу глазки. Но Микола, не искушенный в женских чарах, не понял ее кокетства. Он потоптался, кашлянул, смущенно осмотрелся по сторонам и сказал:

— Пишли...

Пока ездвые грузили на нашу фурманку ящики с толом и мины, я потащил Миколу «в рацию» — так мы называли нашу партизанскую радиостанцию. Начальник радици Толя Маслаков согласился устроить нам внеочередной радиосеанс, приняв во внимание наше удаленное от лагеря местожительство, но при этом не упустил случая взять клятвенное обещание в следующий раз непременно принести бензина для движка.

Толя повесил наушники на ветку кустика, росшего у входа в его крошечную землянку, покрутил лимбы настройки, и сквозь вой и треск прорвался твердый и чистый голос, передававший сводку Совинформбюро. Разумеется, я сейчас не помню, о чем именно говорил в тот раз диктор. Но сводки в то время были радостные — наши наступали на всех фронтах, и Микола, которому и радио-то было в диковину, слушал затаив дыхание. Когда диктор кончил и заиграла музыка, он облизнул губы и спросил:

— А дальше слухать можно?

Но Толя жалел питание и выключил приемник.

Назад мы с Миколой возвращались ночью. Сначала мы молча шли за фурманкой, неслышно переваливавшейся с боку на бок на мягкой лесной дороге.

Потом Микола сказал:

— Слухай, командир, а Москва большая?

— Большая.

— Слухай, а колы война кончится, я до тебе в Москву приеду — пустят меня пожить?

— А почему ж нет? Приезжай и живи! Ты ж гражданин советский? Советский!..

Микола вздохнул.

— Ось ты кажешь — советский... Да только за Советами и я узнал, яка вона може быть жизнь... Не тилько в том справа, що як пришла до нас Советска влада — получили мы и хату нову, и скотину, и землю. А в том, що я себе человеком почуял. Колы б не Советы — зипсувалы б мени паны всю жизнь. Так и доси був бы наймитом, чужую б скотину пас, перед паном шею б гнул... Вот зараз и я мечтаю грамоте научиться, свит увидать, Москву побачить... Должен я побачить Москву?

— Должен, Микола! Обязательно должен!

— Добре, командир. Запомню твое слово! А я от тебя не отстану, пока войны не кончим!

Если в лагере появились заборчики вокруг кухонь и благоустроенные землянки — значит, немцы начнут выселять нас с насиженного места. Это уж верная партизанская примета!

Так вскоре и случилось.

Жаль, конечно, было покидать наш уютный лагерь. Но что ж тут сделаешь? Не на шутку обеспокоенное взрывами на линиях Ковельского узла, гитлеровское командование бросило против нашего партизанского соединения крупные силы. Сначала командир соединения генерал Алексей Федорович Федоров попытался остановить наступающие немецкие части на опушках леса и на подступах к Езерцам. Но потом, когда подошли танки и тяжелая артиллерия и немцы начали непрерывную бомбежку лагеря с воздуха, а боеприпасы стали подходить к концу, генерал отдал приказ заминировать лагерь и ведущие к нему дороги и отойти за реку Стырь.

В боях на подступах к лагерю наша группа не участвовала. А когда соединение начало отход, мы получили приказ оставаться в районе станции Маневичи и во что бы то ни стало продолжать диверсии на железной дороге.

Поздним октябрьским вечером около села Серхов мы встретились с уходящим соединением.

Было ветрено. Моросило. По небу быстро бежали на восток, точно торопились уйти вместе со всеми, рваные облака, подсвеченные тревожным багровым светом заходящего солнца.

Мы стояли на обочине узкой, заросшей жухлой травой лесной дороги. Мимо нас двигались колонны партизанских рот — знакомые, а сейчас особенно родные и близкие лица. Кое-кто кивал на ходу, улыбался вымученной улыбкой и торопился дальше. Мягко, неслышно катились обмотанные тряпьем колеса фурманок. Торчали с задков тупорылые станкачи. Сдержанно, сквозь зубы стонали раненые. Сновали взад и вперед вдоль колонны озабоченные, хмурые конные связные.

Мы окружили Егорова. Стояли молча. Все уже давно сказано. Да и о чем говорить в таких случаях? Мы и так знали, что надо быть осторожными, не засиживаться подолгу на одном месте, избегать боев... А главное, надо ставить мины на железной дороге.

Наконец, мимо нас прошел арьергард. Распрощались. Может, и не придется больше увидаться? Война...

Протарахтела и заглохла в шуме леса фурманка, увозившая Егорова. И мы остались одни.

— Все! — сказал политрук нашей группы Павел Медяный.— Идем! Нечего здесь больше делать!..

По одному мы углубились в лес и двинулись на юг, к железной дороге...

Первые осложнения начались утром. За ночь в обход сел, в которых, как мы знали, расположились немецкие гарнизоны, Микола благополучно провел нас болотом, значившимся по карте непроходимым, и вывел к Конинским хуторам. Эти хутора, в которых жили поляки, всегда служили нам надежным пристанищем, расположенным к тому же недалеко от «железки».

Мы были уверены, что здесь-то уж непременно отдохнем...

Картошка была уже убрана. Рыхлая почва раскисла от дождя и сразу огромными комьями налипла на наши сапоги. Мы с трудом передвигали ноги. Но на душе стало веселей: мы вымокли, устали, потому что уж больше суток были на ногах, проголодались и сейчас радовались близкому отдыху, возможности обсушиться и перехватить горяченького.

Павел, шедший рядом со мной, подтолкнул меня локтем и хитро улыбнулся.

— А у Станека мы и этого дела найдем.— Он выразительно щелкнул себя пальцем по горлу.— Точно!..

Микола понимающе хмыкнул. Кажется, он хотел что-то сказать, но вдруг остановился, рухнул на землю и не своим голосом закричал:

— Лягайте! Нимци!

Я успел заметить, как дверь домика растворилась и из нее метнулись серо-зеленые фигуры. Хлестнули очереди. Перед самым моим лицом словно кто-то горстью загреб землю. Немцы били разрывными.

— Отход! — закричал я.

Но как отходить? Над нами будто заходила гигантская коса. Это бил немецкий «универсал». Свистели, улюлюкали пули. Их зеленые трассы то утыкались перед самым носом в картофельные грядки, то разбрызгивали землю слева, то щелкали справа в кустах смородины. Нечего было и думать приподняться. А ползти задом по раскисшей, превратившейся в трясику земле было нечеловечески трудно. К счастью, мы не успели далеко отойти от леса и приблизиться к дому Станека. До него оставалось еще метров двести, и немецкие автоматы нас не доставали. Зато и наши автоматы не принесли немцам никакого вреда. Я поискал глазами Миколу. Он только что был где-то рядом, но сейчас исчез, как сквозь землю провалился.

От домика в разные стороны вдоль противоположной опушки бежали немецкие солдаты.

— Обходят! — крикнул мне Павел.

Я и сам понимал, что это значит. Пока мы ползем, немцы с двух сторон зайдут нам в тыл, и под перекрестным огнем нам некуда будет деваться. Сзади послышался стон.

«Кого-то зацепило», — подумал я.

Нужно было во что бы то ни стало заткнуть глотку немецкому пулемету. Но почему молчит наш ручник? Ведь в нем наше единственное спасение.

Наверное, то же самое пришло в голову и Павлу.

— Пулемет! — закричал он. — Давай пулемет!

И вдруг сзади в автоматную трескотню вплелось басовитое татаканье. Струи трассирующих пуль скрестились над полем. Красная трасса нашего «дегтяря» уткнулась в сверкающую багровую звездочку вспышек немецкого пулемета, и она погасла.

Возле дома Станека вспыхнула, зачадила черным хвостатым дымом соломенная скирда. Мы с Павлом вскочили, пригибаясь, побежали к лесу. На опушке уже собрались все остальные.

К моему удивлению, у Микола винтовка была закинута за спину, а в руке он держал ручной пулемет. У оставшегося безоружным пулеметчика Левшова — огромного, неуклюжего детины — под глазом наливался всеми цветами радуги огромный синяк. Но удивляться было некогда.

— Кто ранен? — спросил я.

Никто не ответил. Над лесом поднялась красная ракета, со стороны дома по-прежнему трещали выстрелы. Нужно было спешить.

Мы бегом ринулись в глубь леса, потом, когда выстрелы зазвучали тише, перешли на шаг и, наконец, остановились перевести дух. Едва мы присели, Микола сразу же накинулся на Левшова:

— У, боягуз проклятый. Штоб твоему батьку трясця... — Микола замахнулся и еще раз произнес: — У!..

Левшов отшатнулся, зажмурил глаза.

— Что случилось? — спросил Павел.

— Струсил он, вот что, — с трудом разлепила почерневшие губы Нина. — Засунул голову в грязь и лежит... Вот Микола и дал ему ума...

Я спросил:

— Микола, когда это ты успел научиться из пулемета стрелять?

— Навчился, — отвечал Микола. — Очи е. Бачил, як другие робить — ну и запам'ятав!

Небо снова затянуло тучами, и опять начало моросить. Кругом все было мокро: трава, деревья, мы сами. С ветвей свисали крупные капли, и каждый кустик при малейшем прикосновении обдавал дождем.

Мы оказались в скверном положении. Ясно: уж если немцы забрались в лесные дебри и заняли Конинские хутора, то в селах

наверняка стоят крупные силы, того и гляди начнут прочесывать лес. Продовольствия у нас почти не было — по несколько сухарей на брата. Мы вымокли с ног до головы, вымазались грязью, очень устали.

А сейчас, после смертельной опасности, только что пережитой нами, усталость чувствовалась еще больше. Нужно было что-то предпринимать.

Я, Павел, Васька Кузнецов и Микола устроили военный совет. Вытащив завернутую в кусок непромокаемой ткани от минного мешка топографическую карту, я осторожно развернул ее.

— Куда двинем, Микола?

— А що нам треба, товарищ командир?

За меня ответил Павел:

— Нам, Микола, надо отдохнуть, подзаправиться и назавтра обязательно выйти на железку.

Микола помолчал, сдвинул свою кепчонку на нос, почесал «в потылице».

— Ось що, — наконец проговорил он. — Ведаю я одно доброе місце. Е тут у лиси невеличкий хуторок биля Польской Гуры... Да ни, на плане не шукайте — все одно нема. Ще як началась вийна, з нашего села выехал туды один дядько... Уж там немец не найде — за то я голову кладу... Тильки...

— Ну, что только? Не тяни!

— Тильки не ведаю я, чим цей дядько дыше... Мутный якись вин.

— А далеко ль до хутора?

— Километров з десять. По той бок шляху.

Решили идти к хутору. Все равно другого выхода у нас не оставалось: прежде чем идти на дорогу, нужно было обязательно отдохнуть.

Переход был очень трудным. Теперь мы шли, соблюдая все предосторожности, выслав вперед дозоры. Люди с трудом переставляли ноги. Винтовки, автоматы, вещевые мешки сделались невыносимо тяжелыми. Особенно трудно приходилось Нине. Павел забрал у нее винтовку и медицинскую сумку, но это мало помогло. Лицо ее сделалось землисто-серым, мокрые волосы, вылезшие из-под шапки, прилипли ко лбу, по щекам текли струйки не то дождя, не то слез, не то пота.

Время от времени все ее тело сотрясали жестокие приступы рвоты. Поступь ее сделалась неверной, шаткой, и Павел, шедший рядом с ней, поддерживал ее правой рукой.

— Что с тобой, Нина? — спросил я. — Может, чем отравилась? — Она попыталась улыбнуться, но на лице получилась страдальческая гримаса.

— Так... Женское... Дойду как-нибудь.

Тяжела женская доля на войне, а особенно в партизанском отряде. Как ни верти, а женщина слабее, мягче, чем наш брат мужчина.

В грозных и страшных военных событиях девушка или женщина ищет себе покровителя, защитника, на которого можно было бы опереться в трудную минуту.

Да и какая война может сломить такую силу, как любовь!

Конечно, и на фронте и у нас в отрядах встречались разные мужчины и женщины.

Многие сходились, заранее зная, что любовь их недолговечна, непрочна, и после войны, если только останутся в живых, они станут чужими людьми.

Но у Павла с Ниной была другая любовь — настоящая. И я даже в этот трудный момент чуть-чуть завидовал Павлу, что нет возле меня вот такой же маленькой и слабой Нины.

К трем часам дня мы добрались до шляха. Еще издали мы услышали рокот моторов и остановились. Васька Кузнецов и Микола пошли в разведку. Здоровяка Ваську Кузнецова — кряжистого увальня я знал давно, чуть ли не с начала войны и уже перестал удивляться его выносливости. Васька и сам не прочь был прихвастнуть перед нами иной раз на марше:

— Для меня это так, что прогулка в парке. Во, когда я с тятей золотишко в тайге старался, — во была ходьба! А это что!

Но сейчас и Васька, хоть и бодрился, а видно было — устал.

Зато Микола, хоть по сравнению с Васькой он и выглядел комаром, был действительно неутомим, свеж, движения его оставались по-прежнему бодрыми, четкими. Прямо удивительно, откуда только у него бралась сила!

Мы ждали разведчиков лежа, в тех позах, в каких нас застала остановка. Поглядеть со стороны — мне кажется, нашу группу можно было принять за покойников. Только по сопению тех, кто лежал особенно неудобно, можно было определить, что мы живы.

Вернулся один Микола. Он опустился на колени возле меня и зашептал:

— Нимци тильки що проихали. Василь сторожить.

Мы поднялись и зашагали к шляху. За кустиками, росшими у обочины, нам навстречу привстал Васька:

— Скорей. Того и гляди — поедут. Глянь — сколь следов-от!

И верно, на мокром песке шляха тянулось множество рубчатых полос, оставленных немецкими машинами. Я заметил и следы гусениц: видно, у немцев были танки.

Было уже совсем темно, когда мы добрались до хутора, на который нас вел Микола.

Хутор расположился на маленькой полянке, которую со всех сторон тесно обступил лес. Небольшая хатка под соломой, навес для коровы, крохотный огорожок — вот и все хозяйство.

Владелец хутора — невысокий дядько с волосатым лицом, на котором перекатывались плутоватые черные глазки, встретил нас довольно приветливо.

Он помог перенести потерявшую сознание Нину на «пол» — дощатый помост между стеной и печью, заменявший кровать. Подсунул ей под голову подушку в наволочке из цветастого ситца. Велел жене сварить нам картошки:

— Пробачайте... Бильш нема ничего!

Я выставил караулы. А потом мы разостлали на полу солому и уснули как убитые.

Ночь прошла без всяких приключений. Утром мы с Павлом решили идти на дорогу двумя группами. Одной должен был командовать я, другой — Павел. Проводником группы Павла мы «назначили» хозяина хутора, которого, как выяснилось, звали Осеем.

Этим мы убивали сразу двух зайцев — получали проводника, хорошо знающего местность, и брали заложника: после установки мин мы решили вернуться назад, на хутор.

Как водится, Осей долго спорил, жаловался, что у него и «у грудях болит», и «у спыну вступило», что «ноги дуже погани, зовсим не ходють», и что «диты дрибни, а жинка хвора»...

Жена Осея хватала за руки то меня, то Павла, то с причитаниями кидалась к Миколе.

— Ой рятуйте мене, люды добри! Пожалейте нас сирых... Ой забьют человека, — сироты зостанутся! А-а-а! Ой рятуйте мене, куме, пожалейте.

За подол матери с ревом цеплялись дети.

Видно было, что Микола чувствовал себя неважно. Он покраснел, отводил глаза, что-то утешительно бормотал.

Наконец он взял женщину за руки, силой усадил на скамью и сказал:

— Слушайте, титка Хведора, не кричите... Кажу вам — жив буде ваш чоловік. Чи вы не розумиете, яка війна иде! Ось побачьте — у его, у его, — он обвел нас рукой, — и жинки и диты, як и у вас. А идут — треба... Не кричите. Як треба — так треба.

— Але ж... — начала было тетка, но Микола строго перебил ее:

— Все, титка Хведора! Не треба бильш!

Мы с Павлом только диву дались, когда увидели, что тетка Хведора замолчала, разыскала холщовую «торбу» и начала засовывать в нее хлеб, невесть откуда появившееся сало, огурцы Осеем в дорогу.

К вечеру мы покинули хутор. Павел со своей группой двинулся к разъезду Польская Гура, а я — к станции Маневичи.

Сначала мы пошли просекой: лесом быстро не пойдешь, а нам нужно было торопиться. Но скоро нам пришлось свернуть: на просеке нас ждала засада. Хорошо еще, что мы вовремя увидели ее и немцы нас не заметили.

До железной дороги мы добрались за полночь. На линии было неспокойно. Еще издали мы услышали стрельбу. Над лесом то и дело взлетали осветительные ракеты. Конечно, и стрельба и ракеты нас не

смущали: немцы, охранявшие железную дорогу, всегда стреляли для собственного успокоения. Но на этот раз выстрелы густо доносились сразу из многих мест. Значит, охрана была усилена.

И верно: как только лес поредел и впереди замаячил черный хребт насыпи, мы сразу же увидели, что на том месте, к которому мы вышли, нечего и думать о минировании. Прямо против нас оказался немецкий пост, время от времени напоминавший о своем присутствии длинными пулеметными очередями.

Мы двинулись лесом вдоль линии в надежде найти где-нибудь удобное местечко. Прошли километр, другой, я посадил себе изрядную шишку на лбу, а обстановка на линии не менялась: через каждые полторы сотни метров стояли немецкие посты, периодически постреливали из пулеметов и автоматов и пускали ракеты. Наконец, кто-то оступился в яму с водой, вскрикнул, загремел котелком. Нас заметили.

И сразу железная дорога превратилась в сплошной огненный вал. Над нашими головами затрещали, защелкали пули. На головы частым дождем посыпались ветки, хвоя. Откуда-то слева, наверное, со станции, ударила пушка.

К счастью, лес для партизана — надежная крепость. Если не считать шишек, ссадин и царапин, полученных во время поспешного отступления, огневой шквал не причинил нам никакого вреда.

Мы отошли поглубже в лес и остановились перевести дух. Я сосчитал людей: все восемь человек оказались на месте.

Передохнув, мы решили вернуться на хутор: небо посветлело — близился рассвет, и было совершенно ясно, что мин поставить сегодня не удастся. Я уже собрался было встать, когда вдруг совсем недалеко раздался треск сучьев. Кто-то продирался сквозь чащу. Мы замерли: неужели немцы послали погоню? В такой обстановке можно было ожидать всего. Я шепотом скомандовал:

— Приготовиться!

Щелкнули затворы. Партизаны ползком, на ощупь занимали места поудобнее, выбирали деревья потолще. Треск приближался.

Напряжение разрядил Микола:

— Да це не немец,— сказал он громким шепотом.— Це вебрь,— кабан дикий, злякался, скризь лис лизе... Зараз учуе — поверне.

И правда, треск прекратился, до нас донеслось громкое сопение, потом кто-то фыркнул и опять, постепенно затихая, зашумел, затрещал по кустам, по валежнику.

Мне стало почему-то неловко, я хлопнул Миколу по плечу и попробовал пошутить:

— А ты здорово научился свинью от эсэсовца отличать.

— А як же — вона ж не стреляе,— совершенно серьезно отвечал Микола...

На хуторе нас поджидал Павел со своей группой. Ему тоже не повезло, и он вернулся несолоно хлебавши. Нечего и говорить, что нам было не очень-то весело.

Павел молча выпил из жестяной кружки самогон, извлеченный из подполья Хведорой, обрадованной благополучным возвращением мужа, крикнул и пододвинул кружку мне. Говорить никому не хотелось. Обидно было положить столько трудов, рисковать и так ничего и не сделать. Теперь приходилось все начинать сначала.

Зато на Осея после пережитых страхов и оттого, что он выпил, напала необычайная разговорчивость. Он вел теперь себя как заправский партизан, вскакивал, размахивал руками, показывал во всех подробностях, как он «пидползал» и как «воны такой тумульт вчинили, що аж небо червоным зробилось» и как какой-то немец бегал по линии и кричал: «Ось воны, ось воны»...

Позабыв, что сам он был без оружия, Осей показывал, как целился, как спускал курок:

— А я як бахну, так вин до горы дрыгом и перевернулось.

Никто не поддерживал разговор и не отвечал ему, но его это не беспокоило, и он все говорил, говорил, говорил...

Только когда мы уже вставали из-за стола, Микола заметил:

— А вы трусились, дядько Осей! Колы бы не мы — на своем хуторе вы и вийны б не побачили!

— Га! Теперь я и сам у партизаны б пошел. Але ж — стрельбы нема! Дайте мени стрельбу! — закричал разошедшийся Осей.

Я заметил, как Хведора сильно дернула его сзади за рубаху.

Эти день и ночь мы решили переждать на хуторе, хорошенько выяснить, каково положение в окрестных селах и на станциях, и постараться увидеться с нашими связными. К утру вернулись посланные нами разведчики, и картина стала совершенно ясной. Убедившись, что нашего соединения нет, карательные немецкие части двинулись на юг, дошли до железной дороги и теперь по всем признакам деятельно готовились к отъезду.

Поэтому мы с Павлом решили за ночь установить все шесть мин, которые у нас были, и двигаться на восток, к Мульчицким хуторам, поближе к соединению.

Микола предложил ставить мины в поле: на горьком опыте мы убедились, что охрана на лесных участках была очень сильной. Минировать в поле, конечно, рискованно. Если обнаружат, уйти будет трудно, но выбирать не приходилось.

Вопреки нашим опасениям все сошло как нельзя более благополучно. Мы без всяких осложнений поставили все шесть мин в степи недалеко от станции Рафаловка, пересекли шоссе, по которому перед нашим носом прошла большая колонна автомашин, и двинулись к Мульчицким хуторам.

По дороге уже днем мы совершенно случайно встретили немецкую легковую автомашину. Машина с трудом, разбрызгивая грязь, двигалась по проселочной дороге, то и дело застревала. Тогда раскрывались дверцы, выскакивали два немецких солдата и толкали ее дальше.

Мы шли сбоку от дороги и заметили машину с заросшего кустами пригорка, когда она буксовала на подъеме. Мы засели в кустах, рощих по обочинам проселка, дождались, пока машина не поравнялась с нами, и в два счета расстреляли ее. В машине, кроме солдат и шофера, оказался еще и немецкий лейтенант. К сожалению, нам не удалось никого взять живым, о чем особенно сокрушался Павел: ему очень хотелось добыть «языка».

Никаких важных документов в машине мы не нашли. Немцы, видно, совершали «хозяйственную операцию»: в багажнике лежал мешок сала и несколько буханок хлеба, внутри машины мы нашли большой бидон с медом, под сиденьем несколько бутылок польской «монопольки» и с десятков флаг, наполненных сливками.

Взять все трофеи с собой мы, конечно, не могли и выбрали только то, что можно было унести. Само собой разумеется, в это число входило оружие, немецкие униформы, часы и все прочие предметы чисто немецкого происхождения. Сняли мы и аккумуляторы и зарыли их на приметном месте: они могли пригодиться радистам.

Зато Миколо привалила особенная радость: теперь он вооружился немецким «козлом» — автоматом. Об этом Микола давно мечтал.

На Мульчицких хуторах никаких немцев не оказалось. Мы выспались, отдохнули, а к вечеру встретились с разведчиками нашего соединения и вернулись в лагерь.

Я заметил, что Микола начал частенько крутиться возле «кухонного костра», в дымном и благовонном царстве Софьи Осиповны и Верки. Софья Осиповна сначала была довольна: удобно иметь хлопца под рукой — то дров притащит, то поможет отчистить закопченные на костре ведра, то сбегает за водой... Но потом, когда она заметила, что Верка делается уж больно разговорчивой и шумной в присутствии Миколы, начинает рассказывать о том, как жили до войны в Корюковке, — нет, не Миколу, а любому подвернувшемуся под руку, а если другого никого нет, то ей самой, — Софья Осиповна забеспокоилась.

— Может, вы, Алексей Семенович, — сказала она как-то Егорову, — накажете хлопцам, чтоб не сидели на кухне.

— Да разве они там сидят? Что-то я не замечал этого.

— Сидят, уй как сидят. Ходите як небудь, побачьте. Особенно той — Микола.

— Вот оно что! Микола, значит, в зятя к вам метит! — Егоров захохотал. — А чем не зять? Орел!

Но Софья Осиповна еще пуше усилила бдительность. Она стала прогонять Верку, как только Микола появлялся в районе кухни.

Но Микола этого будто и не замечал. Он приходил, усаживался на корточки и молча грел растопыренные ладони над огнем. А Верка, не обращая ни малейшего внимания ни на сердитые материнские взгляды, ни на окрики, садилась с противоположной стороны на круглый обрубок и начинала:

— А вот у нас у Корюковце, ох и добрый клуб был. Танцы. Мороженое продавали. А ты знаешь, что такое клуб?

Микола мотал головой и односложно отвечивал:

— Ни!

— У! Это дом такой, специально, шоб веселиться. Усе приходять разодетые, гарные такие. Музыка. У нас и оркестр був цукерного заводу. З барабанов. Як громыне — аж стекла трясутся... А ты чув колы-небудь оркестр?

— Як у Ривном був — чув. У парке. Тильки мене у парк той не пустыля. Треба було квиток купыть. А у мене — грошей нема. Так я музыку слухал биля плетня...

— Не плетня, а огады. У нас вокруг клуба тоже колысь была ограда. Чугунна. Ох и гарна!.. Тильки немец зараз ее знищил... Разом з клубом...

И над Веркой и над Миколой сначала подтрунивали, а потом кончили — привыкли.

Трудно сказать, чем поразила Миколино воображение эта веснушчатая некрасивая девушка со вздернутым носом и рыжими волосами. Он мог часами, не прерывая, слушать ее. А если она начинала расспрашивать, смущался, краснел, отвечал односложно:

— Да, нет...

Однажды я краем уха слышал, как Микола спросил:

— Слухай, Вера, а кого записуют у той?..

— В який это — той?

— Ну у космомол?

— Во-первых, не у космомол, а в комсомол. А во-вторых, то що не каждого хлопца и не каждую дивчину у комсомол примут. Тильки найкращих, наисознательнейших. За яких и другие комсомольцы, а то и коммунисты поручаются. Рекомендацию дадут. Зрозумило?

— Слухай, а от ты поручишься за мене?

Верка приподняла брови, скосила глаза, усмехнулась:

— Як заслужишь... Може, и поручусь. Побачим...

Микола, видно, хотел сказать ей что-то еще, но поперхнулся.

Очень может быть, Микола в конце концов расхрабрился бы и договорил то, что хотел. Но как раз в этот момент раздался сильный шум, послышались приветственные возгласы, и все бросились к землянке Егорова, возле которой остановились только что прибывшие с задания Гриша Мыльников и Вася Кузнецов.

Они тяжело переступали с ноги на ногу, одежда их промокла, лица осунулись, почернели от усталости.

Но и по улыбкам, которых им никак не удавалось сдерживать, и по залихватски сдвинутым на затылок кубанкам, и по тому, как небрежно, с особым партизанским форсом, стволами книзу, висели у них на плечах автоматы, и по цигаркам, небрежно приклеенным к углам губ, и по тому, что от них пахло самогонкой, — по всему можно было догадаться, что задание выполнено.

Я принес из землянки толстую бухгалтерскую книгу — гроссбух, в которой вел точный учет взорванным эшелонам и эмзедушкам, установленным на длительные сроки, сел на пустой ящик из-под тола и приготовился записывать.

Как всегда, у меня за спиной расположился Микола. Он напряженно дышал мне в ухо, крихтел и заглядывал через мое плечо в книгу. Миколу нравилось смотреть, как я ставлю красные крестики на схеме, обвожу кружками места, где мины взорвались.

Я закрыл книгу. Микола вздохнул:

— Слушай, Володько, колы ж я сам будут минировать? Ты ще когда посулил! Скоро война кинчится, а я все ни як...

— Не журись, Микола! Как только пойдем на дорогу, даю слово — ты будешь ставить мину сам.

Скоро такой случай представился.

В феврале 1944 года движение поездов на железной дороге Ковель — Сарны заметно оживилось. Поезда шли в основном на запад. Эвакуировались немецкие учреждения, вывозилось награбленное имущество, трофеи, военное снаряжение, войска, подвижной состав... Немцы удирали.

Генерал Федоров приказал бросить все диверсионные группы на дорогу, прекратить движение немецких эшелонов, не дать возможность немецкому командованию беспрепятственно отвести тылы. Это было особенно важно еще и потому, что вслед за немецкими эшелонами двигались специальные путеразрушающие машины, перепахивавшие железнодорожный путь, не оставлявшие за собой ни одной непереломанной шпалы, ни одного рельса, перебитого менее чем в двенадцати местах... После прохода путеразрушителя железную дорогу приходилось строить заново.

В нашу группу, кроме меня и Миколы, входили еще Кузнецов, Белов, Клягин, Уалдон, Мельниченко, которого за пристрастие к замысловатым ругательствам и за огромный рост прозвали Дарданеллом, и еще несколько человек стрелковой поддержки.

Мы двинулись в знакомые места — в район станции Маневичи. На сей раз ехали с удобствами — на санях.

Не задерживаясь, миновали Холузье, пересекли шлях и утром остановились передневать на хуторке, где жил наш связной по имени Гриц. Жена Грица — расторопная, нестарая еще женщина, сварила

нам большой чугунок картошки с мясом, расстелила на полу несколько снопов соломы. Мы плотно подзаправились и улеглись спать.

Проснулись мы около двух, наскоро проглотили обед, приготовленный гостеприимной хозяйкой, и начали собираться, чтобы засветло подойти к железной дороге.

День выдался теплым. Мы шли болотистой просекой, то и дело проваливались ногами сквозь снег в скопившуюся под ним воду. Деревья стояли голыми и мокрыми, каждое прикосновение к ним означало холодный душ, и скоро мы вымокли до нитки. Пройдя километров пять, я остановил группу передохнуть.

— Ну, Микола, — сказал я. — Сегодня будешь ставить! Ты готов? — Я завжди готов, товарищ командир!

Мы с Миколой вместе проверили мину и взрыватели. Я отдал ему свой маскхалат. Миколу предстояло переползти пространство между лесом и железной дорогой. Там на земле лежал снег, и маскхалат был совершенно необходим.

Примерно в километре от железной дороги Микола, шедший впереди, знаком остановил группу и тихо сказал:

— У тым краю просеки — пост з пулеметом. Немецка охрана. Треба вертат у лис.

Мы свернули и пошли лесом. Теперь мы двигались гуськом: впереди Микола в моем маскхалате, за ним я, за нами по одному вытягивались остальные.

Вскоре мы набрели на чей-то свежий след, шедший как раз в нужном нам направлении. Микола остановился; по чужому следу идти опасно: можно наткнуться на засаду, подорваться на mine.

Мы собрались в кучу. Осторожный Озеров сказал:

— Лучше, пожалуй, обойти это место. Нарвемся еще.

Но Кузнецов, Дарданелл, Клягин замахали на него руками:

— Так мы и до утра не доберемся!

— А ну его к черту — по лесу болтаться!

— Айда! Чего там! Пройдем малость — свернем!

До сих пор не понимаю, как я мог согласиться с ними. Может быть, это случилось потому, что и мне, конечно, тоже надоело лезть по мокрому и холодному лесу, хотелось выполнить задание поскорее, вернуться в тепло, обсушиться, отдохнуть. А может быть, и я и все остальные попросту хотели прихвастнуть друг перед другом лихой партизанской беззаботностью...

Вот что случилось дальше.

Мы пошли по следу. Железная дорога была уже совсем близко, когда мы оказались на крошечной полянке, вернее, в разрыве густой заросли елового молодняка.

Микола зачем-то повернул ко мне голову, видно, хотел что-то сказать. Таким я и запомнил его: вполборота, небольшого, с обветренным спокойным лицом, в белом маскировочном халате, ярко выделявшемся на фоне темно-зеленой хвои...

И вдруг хлестнула длинная автоматная очередь. Я успел заметить сизый пороховой дымок, запутавшийся в ветвях молодой елочки, метрах в двадцати от нас. Рядом твинкнули пули. Посыпались ветки...

Все остальное произошло мгновенно. Не раздумывая, мы залегли, точнее попадали, открыли ответный огонь. У нас уже выработался условный рефлекс: наткнулся на засаду — сначала огрызнись, чтобы враг почувствовал, а потом сообрази, что делать: отходить, наступать или вести бой на месте.

Расстреляв примерно по полдиска, мы прекратили огонь, прислушались — ничего.

Только слева, понемногу затихая, трещали ветки: кто-то уходил прочь.

Чалдон швырнул в ельник гранату, поднялся, пригибаясь, двинулся вперед.

Мы напряженно следили за каждым его движением, не отрывая пальцев от спусковых крючков.

Чалдон раздвинул ветки, осмотрелся и углубился в ельник. Было слышно, как он продирался сквозь чащу.

Через минуту Чалдон вернулся.

— Драпанули, — лаконично сказал он. — По следам видать — двое было. Кукушки.

Он присел на корточки и вытянул руку. На мокрой ладони желтели стреляные гильзы немецких автоматных патронов.

Со стороны железной дороги донеслись раскаты пулеметных очередей. Забеспокоилась потревоженная шумом боя немецкая охрана.

Нужно было уходить с этого места. Мы встали. Выразительно матюгнулся Дарданелл.

— Эх, чтоб вам три бабэлмандеба в печенки!

И тут я увидел, что Микола по-прежнему лежит, неестественно отогнув голову набок, с завернутой за спину рукой... Шапка его сбилась на затылок, волосы на побелевшем лбу тихонько шевелились, на губах пузырилась кровавая пена.

А на груди, на животе, прикрытых белым саваном маскхалата, медленно расплывались кровавые пятна...

Мы бросились к Миколу. Лицо его исказилось гримасой. Он с трудом прошептал:

— Володько... Помираю... Пить...

Дальше я повел себя очень странно: швырнул в снег автомат, выхватил нож и, размахивая им, кинулся в ельник догонять немцев. Кажется, я что-то кричал, грозился.

Меня догнали, силой остановили, привели назад...

Мы наскоро перевязали Миколу, разорвав на бинты мой маскировочный халат.

У Миколы оказалось восемь ран. Была прострелена грудь, живот, шея. Но крови почему-то вышло мало, и вдруг у нас появилась надежда: может, все-таки удастся спасти его.

Мы подняли его и понесли. Мы очень торопились...

Я плохо помню, как мы добрались до хутора Грица, где нас дожидались сани. Тут же были запряжены наши лучшие лошади. Сам Дарданелл вызвался отвезти Миколу в лагерь. Чалдон, Белов, Клягин сопровождали их. Сани уехали, а я собрал группу и двинулся назад, в лес.

* * *

На рассвете наша группа взорвала вражеский поезд. Через день мы вернулись в лагерь. Я увидел одиноко сидевшую у кухонного костра заплаканную Верку в той самой хустке, что подарил ей Микола при первой встрече, и не стал ее ни о чем расспрашивать.

Этой же ночью я впервые за много месяцев услышал на востоке глухой гул приближавшегося фронта.

ПУСТЬ ОН ЖИВЕТ...

В наружности Бориса нет ничего броского. Разве что ямка, делящая подбородок надвое. Все остальное неприметное: тонкий, невысокий, круглоглазый, в кепке на затылке и в кургузом штатском пиджачке. Снять портупею, которая перетягивает пиджачок наискосок, и предстанет перед тобой самый обыкновенный хлопец, каких по городам и весям тысячи...

Таким, как сейчас, я вижу Бориса Калача в лесу, под Ковелем.

Он командир подрывного взвода одного из отрядов нашего партизанского соединения. Наша диверсионная группа идет вместе с этим отрядом. Задача — оседлать железнодорожную линию Ковель — Сарны, закрыть ее для вражеских эшелонов.

Немногим более десяти дней прошло с того часа, как мы миновали сожженное здание погранзаставы, пересекли безымянную речку на старом польско-советском рубеже и углубились в западные области Украины.

Мы идем незнакомым лесом. Проселок с трудом пробивается сквозь чащу. Глухо погромыхивают о корни добро мазанные дегтем, обмотанные тряпками колеса фурманок. Пронесется взад и вперед вдоль колонны озабоченные конные связные. Перекатываются от головы к хвосту негромкие слова команды...

Я иду рядом с Борисом Калачом, искоса поглядываю на него. Каков-то он будет на железке, этот новоиспеченный командир подрывников?..

Что с того, что он, как я слышал, уже бывалый партизан и участвовал во многих боях. В бою, когда рядом слышишь дыхание товарищей, — одно. На железке — другое. В крошечной темени, на ощупь, в одиночку делают подрывники свою точную, быструю работу. Работу, за которой в четыре пустые глазницы следят сразу две погребели — одна от вражьей пули, другая от мины...

И ежели не умеешь ты в этот момент унять дрожь в сердце, отключить сознание, забыть обо всем — о доме, о матери, о любимой, о самой войне, — ждет тебя неминуемая смерть, не годишься ты в подрывники.

Но Калач симпатичен. Даже при первом беглом знакомстве. Может, тем, что не передается ему напряжение, которое царит в колонне, и, это сразу видно, не действуют на него выстрелы, что гремят впереди. Может, тем, что у него открытая, доброжелательная, располагающая улыбка. Или тем, что с готовностью делится последним сухарем, горьким от тола, с которым лежал рядом на дне вещмешка, и даже последней щепотью табака. Мы пополам сжевываем сухарь и закуриваем одну закрутку на двоих.

— Ты кем до войны-то был? — спрашиваю я Калача.

— До войны-то? А никем... Работал инструментальщиком в Черниговской МТС. Да вот еще мечтал в пединститут поступить.

— На железке бывал?

— Приходилось. Четыре раза, под Гомелем... Маловато, конечно. — Борис вздыхает. — Ничего, наверстаем!..

Мы останавливаемся лагерем в лесу возле небольшой четырехугольной поляны, на которой стоял когда-то дом лесника. О том, что здесь было жилье, теперь напоминают лишь яма фундамента, россыпь кирпичных обломков и несколько одичавших вишен и яблонь, к которым из лесу уже тянутся мохнатые лапищи сосен и елей.

Место хорошее: дорога, по которой мы пришли, просматривается далеко, ее можно держать под огнем.

Не успеваем расположиться — Борис принимается готовить мину. Я подсаживаюсь к нему.

— Завтра на дорогу?

— Почему завтра? Чувешь — шумят?

По прямой от нашего лагеря до железной дороги километров шесть-семь, не больше. Если прислушаться, действительно, слышно, как идут поезда.

— Но ведь устали!.. Сорок с гаком оттопали!..

— Ну и что ж, что оттопали? Сегодня и двинем... Пусть только хлопцы трошки передохнут...

И впрямь — ранним утром следующего дня по лесу прокатывается глухой взрыв. А к вечеру из кустов на противоположной стороне поляны появляются Калач и за ним его хлопцы. Даже если бы мы не слышали взрыва, нетрудно догадаться, что диверсия удалась.

Доклад Калача, тщетно старающегося спрятать радостную улыбку, предельно краток:

— Один взорвали! Да еще две эмзедушки воткнули...

— Ну-ка, Расскажи, как все было?

Борис ограничивается одной фразой:

— Сунули, поглядели, как оно. И — до дому!..

...Глубокой осенью сорок третьего года мне довелось самому увидеть, что это такое — «оно» Бориса Калача. Мы вышли на диверсию в район Рафаловки, на самый край леса, который обрывается здесь стеной стволов и уступает место полю.

Ждем, неподвижно растянувшись на мокрой земле. Мокрая одежда липнет к телу ледяным пластывем. Еле сдерживаешь зубы, чтоб не выбивали дробь... Нельзя курить, ворочаться, разговаривать, кашлять. Даже дышать громко нельзя...

Наконец по линии проходит патруль. Немцы идут, громко переговариваясь, громыхают по шпалам коваными сапогами, присвечивают дорогу фонариками. Мы видим, как вспыхивают огоньки сигарет, выхватывая из темени части лиц и низко надвинутые козырьки касок... До смерти хочется курить.

— Пошли! — шепчет Калач, как только затихают шаги патруля.

Справа от меня кто-то спотыкается. Слышатся всплеск воды и приглушенное ругательство. И тут же справа в воздух взлетает ракета, освещая мертвенным светом лес, рельсы и всех нас. У насыпи начинают часто перемигиваться багровые вспышки выстрелов. Трассирующие пули со свистом и щелканьем несутся меж деревьями.

— Отход! — команду я.

Мы отходим поглубже в лес и останавливаемся. Калач делает перекличку. Все налицо.

— Ну, так что дальше? — негромко спрашивает он. — Так и уйдем несолоно хлебавши?

— Может, поищем другое место?

— У меня есть предложение, — говорит Калач. — Поставим мину в поле. Под самой Рафаловкой. Там нас никакой черт не ждет.

Я подношу к глазам светящийся циферблат своей трофейной «Омеги». Полночь. До рассвета еще не меньше семи часов.

— Ну так как? — торопит Калач.

Наш проводник по имени Осей вдруг говорит, что дороги к Рафаловке он не знает.

— Ей-бо не знаю! Колысь ездил через Рафаловку в Колки, на ярманку пороса куповать. Так и то назад, як магарыч выпил, привезли на колесах... Ни биса не упомянул...

— Ладно, — говорит Калач. — Не помнишь — так и не помнишь. Я сам поведу.

Часа через два мы чувствуем, что почва под ногами становится тверже. Усиливается ветер. И дождь уже не просто мочит, а хлещет нас по лицам острыми ледяными струями. И хоть ничуть не посветлело, догадываемся — мы в поле. Черт его знает, как Борис угадывает дорогу в такой темноте?

Еще два часа ходу — впереди появляются тусклые огоньки. Рафаловка.

— Стоп! — говорит Калач. — Чуешь?

Прислушиваюсь и слышу тонкий пронзительный свист. Почти звон. Это поет ветер в телеграфных проводах. Железная дорога рядом. Мы подходим еще чуть поближе, высылаем влево и вправо группы охраны и выходим на полотно. Двадцать минут — и две мины установлены. Замедление у них получасовое. Завтра первые два поезда, которые пройдут над ними, неминуемо потерпят крушение...

Мы спускаемся с полотна вниз, под насыпь, и Калач посылает связанных снимать посты.

И вдруг выстрел, за ним другой. Пришел все-таки немецкий патруль!

Лежа под огнем, мы ждем, пока не соберется вся группа. Пока темно, немцы до нас не доберутся.

Но теперь надо действовать быстро. Дорога каждая минута. Совсем неподалеку, в километре, параллельно железной дороге проходит шоссе. Немцы могут быстро подбросить на машинах подкрепление и отрезать нас от леса...

Но сначала Калач опять делает переключку — без этого он ни за что не уйдет. На этот раз одного не хватает.

— Складнов! Где Складнов? — спрашивает Калач. — Кто был с ним рядом?

— Я! — откликается чей-то голос из темноты.

— Идем, покажешь!

А выстрелы со стороны железки все гремят, хоть и пореже. Ясно, немцы ждут подкрепления. К счастью, их немного. Человек пять, судя по вспышкам выстрелов. Но у них пулемет и по крайней мере два автомата. Вполне достаточно для нашей группки. Надо скорей отходить. Тем более что задача выполнена, мины поставлены и замаскированы, их теперь уж никто не снимет. И они-то сделают свое дело.

— Пошли! — повторяет Калач. И я слышу, как он встает.

— Не могу я! — откликается все тот же голос. Я слышу, что к нему примешиваются слезы.

Этого молодого парнишку я знаю. Пацан еще. Надо б взять другого. Да не заменишь: он знает место.

— Почему не можешь?

— Боязно мне, товарищ командир...

— Тебе боязно? — переспрашивает Борис. — Да чего тут бояться! А вспомни, Петро, как мы с тобой под Маневичами... Да мы сейчас мигом! В два счета... Идем.

И Петро поднимается. Я слышу, как он вскидывает на плечо винтовку, потом тихо чавкают шаги по размокшей почве... Ушли.

Мы лежим, напряженно прислушиваемся к каждому шороху.

Кто-то говорит:

— Смотрите!..

Далеко справа виднеются светлые полосы. Фары машин... Успеем ли? Да где ж запропастился Калач!

— Нашли! — наконец раздается шепот Калача над самым моим ухом. — Слегка зацепило его... Идем!

Мы торопливо поднимаемся и почти бегом устремляемся прочь. Вот и шоссе. Фары светят совсем близко, но они нам уже не страшны. Мы на другой стороне...

К рассвету мы добираемся до опушки, перевязываем раненого и ждем, пока до нас не доносится взрыв... Теперь в моем бухгалтерском гроссбухе появится еще один крестик в кружке и рядом с ним — буква «К». Поднимаемся и идем к лагерю. До дому...

* * *

Четверо сидят за столом, что стоит посреди хаты. Командир партизанской бригады Роман Стрельцов, начальник штаба Алик Ярыгин, комиссар Женья Мерзов и Борис Калач — он теперь командир подрывной роты. Все четверо — старые товарищи. Еще на Украине ступили они на партизанскую тропу. Потом высадились в словацкие горы.

В открытое окно тянет прохладный ветер. Шумит лес на склонах гор. Доносятся со двора крики и возня ребятишек...

Только оружие, разложенное на скамьях, и топографическая карта на столе говорят о том, что тут не просто дружеская пирушка, что в окрестных горах идет война...

— Знаешь этот мостик? — указывает Роман пальцем на карте. — Вчера тут немецкая разведка рыскала. Того и гляди сюда пожалуют... Как, Борис?

— Сделаю.

Полчася спустя два всадника — Калач и боец подрывного взвода по фамилии Конконян выезжают из села и неспешной рысью двигаются по каменистой дороге. Через седло Конконяна перекинут вьюк — два мешка, из которых выпирают острые углы ящиков с толом.

Дорога ветется ущельем. Справа вызванивает в камнях горный ручей с прозрачной водой.

Искоса Борис поглядывает на своего подчиненного. Кто он, этот новичок? Недавно бежал из плена и пришел в бригаду. По виду — лихой партизан: крепко сбит, кубанка независимо заломлена набекрень, разговаривает, не отводя от собеседника темных глаз, что поблескивают вишнями под сросшимися бровями. А каков будет в деле — покажет время.

— На диверсиях бывал?

— В армии изучал подрывное дело. А на практике не приходилось.

— Сейчас попробуешь на практике.

— Разве это диверсия? Так, прогулка.

— Ладно! — хмыкает Борис...

Калач понимает: диверсия действительно пустяковая. Несложное дело — взорвать немудрящий деревянный мостик. Тем более что он никем не охраняется и расположен совсем неподалеку от села, в котором стоит бригада. Но он знает и другое — в партизанской войне всякий пустяк может обернуться смертью.

Перед последним поворотом дороги Калач прищпоривает каблук-ами своего мерина, и тот припускает тяжелым галопом. Конконян не поспевает за ним: мешаю сползающие на шею лошади вьюки. Вот и поворот. В этом месте над дорогой нависла обомшелая скала. За ней должен быть мостик. Мерин выносит Бориса из-за скалы. Мелькают перед глазами облупившиеся перила, круглый дорожный знак и рядом с ним серо-зеленые фигуры.

Немцы!

Ударяют очереди. Резко ожигает грудь пониже плеча. Повисает левая рука. Тяжело рушится мерин. На мгновение Борис теряет сознание, но тут же открывает глаза. «Где Конконян?» Пробует крикнуть — голоса нет. Оглядывается — никого. По дороге, хрупая, громыхают сапоги. К Борису бегут немцы. Из раны в груди с хлопьями и свистом выходит воздух... Скорей!..

Собрав все силы, Калач рывком высвобождается из-под коня, сучащего в предсмертных судорогах ногами, и здоровой рукой стаскивает с плеча автомат. От автомата остались одни обломки. Приклад разнесло в щепы. Перебито цефье. Вмят и погнут кожух. Плевать — лишь бы стрелял...

С трудом, прижав к вздрагивающей туше, как к брустверу, диск и придерживая автомат за кургузый огрызок шейки приклада, Борис нажимает спуск. Немцы в двух шагах, и очередь не пропадает даром. Двое со стонами ползут прочь, пятная дорожку кровью. Остальные падают, открывают огонь. Борис слышит, как внутри лошадиного крупа глухо рвутся разрывные пули.

Борис дает еще одну очередь, отползает к обрыву и катится вниз, к ручью. Укрывшись меж крупными обломками скал, он прежде всего делает несколько судорожных глотков, прижав губами к воде. Потом смачивает голову и, разорвав гимнастерку, обтирает влажной рукой

рану. От холодной воды боль становится глуше, хоть кровь по-прежнему, пузырясь и булькая, бежит из груди.

Калач устривается поудобнее и утыкает вверх ствол автомата. Вовремя: над обрывом показались немецкие каски. Загремело. Запрыгали на валунах искры, высекаемые пулями, заскакали вокруг Бориса фонтанчики воды.

— Врешь!.. — выдавливает сквозь зубы Борис. Нажимает спуск. Немецкие каски исчезают. На минуту затихает стрельба.

— Ага!.. — Воспользовавшись перерывом, он отползает на пятюк метров вверх по ручью, поближе к селу, к своим.

Снова и снова гремят очереди, и пули посвистывают над головой, щелкают по камням то справа, то слева, то перед самым носом, брызгаются водой. Но Борис ползет и ползет, по временам огрызаясь огнем.

Наконец Калач окончательно теряет силы. Патронов в диске нет. О том, чтобы сменить диск одной рукой в изломанном, перекошенном автомате, не может быть и речи...

А в голубом небе неистово сияет солнце. Прохладный ветер летит к Калачу, ласково перебирает пряди волос. Вспугнутые птицы проносятся над головой. Ласково, успокаивающе журчит ручей. И кажется немислимым Борису, что именно в этот великолепный день на берегу веселого ручья, у подножия добрых зеленых гор, совсем неподалеку от товарищей, оборвется его, Калача, жизнь...

Он швыряет в сторону бесполезный автомат и нащупывает на поясе гранату-лимонку...

...Конконян слышит очереди и видит, как, взмахнув руками, грохается о дорогу вместе со своим гнедым мерином Борис Калач.

Лихорадочно дрожащими руками Конконян сбрасывает выюк. Что есть силы ударяет кулаком по конской шее. Конь идет тяжелым галопом, и Конконян с трудом удерживается в седле. Часто цокают подковы, сзади, раскатывая эхо, рвут воздух выстрелы. А мозг Конконяна сверлит одна-единственная мысль: «Убьют меня... Убьют, убьют...»

Так он мчит километра два, пока очереди не начинают звучать глуше. Взмыленный конь переходит на рысь, потом на шаг. Вот и село. Конконян вновь обретает способность соображать...

«А где же командир? Где Калач? — первое, что приходит ему в голову. — Ясно — убит... Сам видел — голову раскроило...»

Воображение рисует ему убитого Калача с иссеченным пулями, залитым кровью лицом. Но где-то в глубине души, как червь, точит мысль: «А что если жив? Что если я бросил раненого?.. Что скажу комбригу?..»

На минуту Конконян приостанавливается: «Вернуться? Нет, он же убит. Конечно, убит!».

Конконян понукает коня и мчит в село. Звуки боя подняли людей, и бригада уже под ружьем. У штабной хаты выстроилась главная ударная сила — кавалерийский эскадрон. Вдоль улицы вытянулись запряженные повозки.

— Товарищ комбриг! — издали кричит Конконян Стрельцову.— На мосту немцы! Калач убит!..

— Убит? — переспрашивает Стрельцов.— А кто там бой ведет? А ну взять его! Отобрать оружие!

Конконяна стаскивают с седла, срывают винтовку, скручивают назад руки.

— Эскадрон! За мной! — командует комбриг.

Эскадрон срывается с места и исчезает в облаке пыли.

...Видя, что партизан не отвечает, немцы прекращают стрельбу. До слуха Бориса доносится чужая речь. Потом раздаются отрывистые слова команды, и три немца с черными автоматами наизготовку начинают осторожно спускаться вниз.

«Ну, Борис!..» — проносится в голове Калача. Он подносит лимонку ко рту и зубами разгибает усики чеки...

Но тут справа доносится густой цокот копыт. Гремят очереди. Немцев, как ветром, сдувает с обрыва. Те трое, что шли к Калачу, торопливо поворачивают назад, судорожно цепляясь за траву и камни на склоне, но один за другим скатываются вниз мертвыми телами.

Потом над обрывом возникают лица товарищей. Борис глубоко вздыхает и валится ничком в мелкую прозрачную воду...

...Он приходит в себя в той же хате, в которой утром получил задание взорвать мост. Он открывает глаза и видит знакомую чистенькую горницу. Рядом с кроватью озабоченное лицо Стрельцова, склонившегося над ним. Тут же стоят Женя Мерзов и Алик Ярыгин. В дверях застыла хозяйка. За ее подол цепляются притихшие ребятишки. И все это в глазах Бориса медленно плывет кругом и, кажется, вот-вот наберет скорость и улетит прочь...

В соседней комнате раздаются шаги. Два партизана вталкивают в горницу связанного, вздрагивающего и бледного Конконяна.

— Что с ним делать?

— Тихо! — сердито шепчет Стрельцов.

С минуту он думает... Суров написанный партизанский закон. И все-таки трудно отдать приказ... Стрельцов переводит взгляд на Мерзова, с него — на Ярыгина. Все ясно.

— Расстрелять! — тихо, но жестко произносит Стрельцов.

— Постой... Не надо, Роман! Пусть живет!..

Это говорит Калач. Он с трудом приподнимается над кроватью. Все с удивлением смотрят на Бориса.

— Пусть он живет, Роман... — повторяет Калач.

ЗНАКОМОЕ ПЛЕЧО

Мне интересно находить в нем знакомые черты. Их немного: как-никак с тех пор прошло почти четверть века.

И уж, конечно, я в то далекое время никак не мог себе представить, что встречу его в тех же местах, где мы вместе бродили когда-то партизанской тропой.

Он появился в нашем пулеметном взводе майским вечером сорок второго.

— Подносчиком будет, — сказал взводный, подталкивая его к костру, возле которого мы с первым номером расчета Тимкой Лобановским пристроились чистить наш «Максим». — Так что принимайте на довольствие.

Некоторое время мы молча созерцали новичка. Перед нами стоял худой, большеголовый, нескладный малец. Черная сатиновая рубаша застегнута на единственную оловянную пуговицу у ворота. Солдатские ботинки «просили каши» и, наверное, развалились бы совсем, если бы не были подвязаны проволокой. На плече висела винтовка неизвестной системы; приклад доставал почти до щиколотки.

— Ничего себе пополнение! — проговорил наконец Тимка, снова принимаясь драить пулеметный ствол. — Это у тебя что же за оружие?

— Английская, — с готовностью отозвался мальчишка. — Знаешь, как бьет!

— Ясно. С таким стрелком не пропадешь... А кличут тебя как?

— Григорьев Андрей.

— Ну, Григорьев Андрей, будем учить тебя пулемету. А пока бери коробки, подравняй в лентах патроны, почишь... Скидай свою пушку и за дело. Понял?

— Понял.

— Ну то-то... Это тебе не в казаков-разбойников играть! — заключил Лобановский.

Андрею стукнуло четырнадцать, когда началась война. Поначалу она казалась далекой, интересной и совсем нестрашной. Андрей мечтал о подвигах, завидовал тем, кого призывали в армию. Ходил на станцию, смотрел вслед воинским эшелонам, которые, не останавливаясь в Злынке, мчали мимо, на запад. Просился на фронт. Куда там! Не взяли...

Откровенно говоря, в те первые дни Андрей, слушая радио и читая газеты, ждал: вот-вот придет сообщение, что наши войска завязали бои на подступах к Берлину...

Но сводки были иными. Сначала в них сообщалось о жестоких боях в приграничных районах. Потом замелькали знакомые названия городов, все глубже и глубже на нашу территорию передвигалась линия фронта...

Андрей ничего не понимал, не верил собственным ушам...

А через Злынку уже потянулись потоки беженцев. В местечке застучали молотки. С каждым днем на улицах становилось все больше домов с заколоченными дверями и окнами. Жалобно скрипели калитки в покинутых дворах. По ночам все выше и ближе полыхали фронтные зарницы.

В райком комсомола Андрей захаживал несколько раз к знакомому заведующему отделом пионерской работы. Спрашивал: «Может, помочь чем?»... От него отмахивались: некогда, не до тебя... Андрей и сам понимал — не до него. В райком то и дело приходили озабоченные люди, получали какие-то задания... Прямо во дворе разбивали ящики с винтовками и тут же раздавали их, выкрикивая по списку имена комсомольцев.

В августе бои загремели где-то совсем рядом. Явственно доносилась винтовочная и пулеметная стрельба. Через местечко торопливо отходили последние подразделения советских войск... И вместе с ними эвакуировался райком партии и райком комсомола...

— А мы почему не эвакуируемся? — спросил Андрей у отца.

— Куда ж с таким выводком... Эх, сынок, накатило лихо! Наша все одно возьмет. Но доживем ли?..

— А мне что делать, батя?

Отец пристально посмотрел Андрею в глаза.

— Стежку искать надо. В лес, к партизанам... Да только мал ты еще!

— А где ж ее искать, ту стежку?

По улице прогремела автоматная очередь. Защелкали о стены разрывные пули. За первой еще и еще...

— В погреб! — закричал отец, хватая Андрея за руку.— Тикай быстреей!..

В Злынку, осторожно прощупывая огнем дома, входила немецкая разведка.

Жизнь в местечке словно повернула вспять. На заборах, на стенах домов запестрели приказы и распоряжения военного коменданта в черных рамках, с орлом и свастикой наверху. В них на русском и на немецком языке обещали расстрел каждому, кто словом или помыслом нанесет малейшую обиду солдатам Гитлера, кто спрячет радиоприемник, охотничье ружье, кто будет заподозрен в связи с партизанами...

В октябре Андрей впервые увидел партизана.

Ходил в лес с ватагой таких же, как и он, мальчишек и девчонок, приотстал и, аукая, бросился догонять напрямик, через чащу. Вдруг кто-то схватил его за руку.

— Стой!

Перед Андреем стоял молодой парнишка в ватнике, перекрещенном пулеметными лентами. В руке он держал карабин. На околеше фуражки красная лычка, пришитая наискосок.

— Кто такой? Чего в лесу делаешь?

— Из Злынки мы... Пришли за грибами.

— А дети полицаев среди вас есть?

Андрей поколебался. В компании была дочка полицейского. А чем она виновата, ежели отец сволочь?

— Нету, — сказал Андрей.

— Ладно, нет так нет... Смотри, не проговорись, кого встретил. А это возьмишь с собой.

Парень протянул Андрею кусок исписанной бумаги.

Рядом слышались голоса товарищей, разыскивавших Андрея.

— Ну, бывай! — сказал парень. Повернулся, раздвинул ветки и исчез. Андрей слышал, как, затихая, затрещали кусты.

— Кто тут был? — спросили подоспевшие товарищи.

— А черт его знает, кто это... — пожал плечами Андрей.

Вечером, собрав троих ближайших товарищей — Витю Ерему, Колю Панова и Мишу Говядина, — Андрей прочитал им сводку Советского Информбюро, которая оказалась на листовке, оставленной Андреем встреченным в лесу парнишкой. Красная Армия, Москва, вопреки утверждениям немцев, жили, продолжали борьбу.

— А мы что ж? — спросил Андрей, окончив чтение. — Так и будем сидеть? Пошли, хлопцы, в партизаны...

— Да как ты их найдешь? — спросил Миша Говядин. — Раз на раз не приходится. Я вот сколько по лесу ходил, так никого и не встретил.

— Найдем, если искать будем. Только вот что: надо сначала добыть оружие...

На другой день Андрея арестовали. Дочка полиция рассказала отцу, что он встретил в лесу подозрительного человека. Полицай по кличке Пантюх, который пришел за ним, грубо оттолкнул запричитавшую было мать.

— Не лезь, старая! Не твоего ума дело, за что берут... Знают, значит, за что... Это тебе не при советах!

Андрея привели в полицию, засадили в подвал, битком набитый заключенными. Многих из них Андрей знал...

Каждый день арестованных вызывали на допрос. Возвращались не все. И Андрей понимал: те, что не вернулись, больше уж не вернутся никогда. А те, кто возвращался, попадали в камеру избитые, истерзанные, чуть живые... Многих приносили и вталкивали в дверь без сознания.

Каждый день на допрос таскали и Андрея.

— Говори, кого встретил? Партизан? — спрашивал начальник полиции, натягивая реквизированные у расстрелянных кожаные перчатки.

- Не знаю я никаких партизан.
- Врешь, паценок! Получай!
- Все одно не знаю...
- Врешь, получай еще! Я из тебя правду выбью!..

Избитого до полусмерти Андрея оттаскивали назад, в камеру, а на другой день все повторялось сызнова. Через три недели его все-таки выпустили: не было доказательства. Насчет сводки полиция так и не дозналась.

— Мы, батя, еще с ними посчитаемся,— теряя сознание, прошептал Андрей, когда отец с матерью чуть живого привели его домой и уложили в кровать.— Посчитаемся...

Зимой закадычный товарищ Андрея Витя Ерема вернулся от родственников, которые жили в большом селе Денисовичи, что стоит на гомельском шляху в двенадцати километрах от Злынки. Вечером Витя заглянул к Григорьевым и вызвал Андрея в сени.

— Под Денисовичами, когда фронт шел, большой бой был,— прошептал он, наклоняясь к самому уху.— Говорят, винтовок в поле валяется — страсть...

— Да как же их найти, под снегом-то?

— Надо придумать...

И придумали: к длинной палке привязали железный костыль. С этим импровизированным «кладоискателем» ночью, чтоб никто не видал, товарищи отправились в поле к Денисовичам. Тыкали палкой в снег. Когда костыль попадал на железо — раздавался чуть слышный скрежет... Искать было трудно. Разгулявшийся ветер хлестал по лицу жестким, как стальные опилки, снегом, выдувал тепло из-под худой одежки. Руки заоченели. Ботинки и штаны промокли насквозь. К тому же «кладоискатель» частенько врал: под снегом оказывался то крупный осколок, то каска, то еще какая-нибудь железяка. Все-таки к утру нашли четыре винтовки и несколько цинков с патронами.

Было уже светло, когда друзья отправились в обратный путь. Чтоб издали никто не заметил винтовок, их привязали за стволы веревками и потащили волоком.

— В случае чего будем биться до последнего,— сказал Витя, повернув к Андрею посерьезневшее лицо.— Живыми не дадимся!

Андрей кивнул в ответ... Он понимал: это уже не забава, не мальчишеские игры. Это даже не сводка информбюро, которая — узнай о ней полицией — могла стоить ему жизни... Здесь, в поле, под Денисовичами, началась настоящая партизанская тропа, с которой, ступив на нее однажды, уже не свернешь...

Винтовки благополучно притащили в лес и спрятали в тайник под старым дубом, неподалеку от опушки. За зиму заговорщики несколько раз наведались в тайник. С великими трудами отпилили ножовкой стволы, сняли ложа, приделали ручки, как у старых пистолей. Когда

все было готово, попробовали. Обрез накрепко прикручивали проволокой к стволу дерева, к спусковому крючку привязывали веревку. Дергали: обрезы стреляли, как пушки. При каждом выстреле из коротышек-стволов вылетал полуметровый язык пламени.

Проба эта чуть не оказалась для Андрея роковой. По неопытности стрелки не догадались отойти подальше в лес и открыли огонь почти на самой опушке. Грохот выстрелов всполошил фашистов. Начальник полиции объявил тревогу: думал, что на Злынку наступают партизаны, слухи о дерзких операциях которых уже катились по всей округе. В амбразурах дотов, что были построены у комендатуры, зашевелились стволы «универсалов» — немцы и полиция заняли оборону. На окраинах местечка выставили дополнительные посты. В Гомель и Новозыбков полетели тревожные донесения...

А утром начальник полиции, которому здорово влетело от немецкого коменданта за ложную тревогу, снова арестовал Андрея — он был на подозрении еще с осени. Опять тяжелые кулаки в кожаных перчатках. Опять:

— Ты стрелял?

— Не я.

— Врешь! Я из тебя правду выбью, щенок!..

И опять, после десяти дней допросов, Андрея выпустили за отсутствием доказательств.

А на дворе уже всюду бушевала весна. Орали грачи, устраиваясь на летних квартирах. Вверх, к солнцу, била трава из оттаявшей земли. И лес, казавшийся зимой мертвым и страшным, стоял теперь весь в брызгах первой зелени и манил к себе...

На двадцать четвертое мая Андрей, Витя, Коля и Миша назначили побег в лес. Чтоб не привлекать внимания, решили уйти из местечка по двое, а потом встретиться в лесу, на берегу Лесового озера, что лежит неподалеку от Злынки. Условный сигнал: бросить в воду камень и ждать такого же ответа.

Было около полуночи, когда Андрей и Витя добрались до берега Лесового. Осторожно сложили в кустах вещевые мешки, порядком отянувшие плечи (в мешках лежали патроны). Прислушались. Вода в озере так и кипела от всплесков. В лунном свете было отчетливо видно, как по поверхности расходились серебряные дуги и кольца.

— Тьфу ты, черт,— свирепо сплюнул Витя.— Гляди, карп разгрызлся. Не расслажишь, где камень, а где рыба!..

— Тихо, ты! — отозвался Андрей.— Камень-то совсем по-другому шлепает! Бросай!..

Витя швырнул в воду заранее припасенный булыжник. Всплеск действительно получился совсем непохожий на рыбий: глухой, с бульканьем. И в ответ тотчас послышался еще один такой же всплеск. Потом раздался тихий свист, и из кустов вышли Коля Панов и Миша Говядин. Все были в сборе...

Теперь оставалось главное: найти партизан. Сутки беглецы просто проходили по лесу, исследуя самые глухие урочища. Незадолго до вечера остановились на привал, разожгли костер, напекли картошки. Поужинали. Потом, настлав на сырую землю елового лапника, улеглись спать. Но как ни старались — заснуть не могли.

Едва догорел костер, стало холодно, и как хлопцы ни жались друг к другу, как ни натягивали на голову куртки и пиджаки, дрожь пробирала до костей. Утром решили попытаться счастья в лесном селе Софиевка, куда, по слухам, часто заглядывали партизаны. Но осторожные расспросы мальчишек вызывали у жителей подозрения.

— А кто их знает... Проходят какие-то оруженные. Чи немцы, чи партизаны — ни ведаем.

— Куда проходят-то хоть?

— Не ведаю, милоч... Да зачем тебе? Ты ж поесть попросил, а сам все про партизан выспрашиваешь!

На четвертый день на лесном проселке встретили знакомую тетку из Злынки.

— Э-эх, милые, что ж вы наробили-то! — запричитала тетка. — Да ведь всю вашу родню как есть в комендатуру забрали. В Новозыбков повезли... Теперь расстреляют, идола. Это уж как пить дать!..

Ребята распрошались с теткой, свернули в чащу и расселись под деревьями. Все четверо подавленно молчали. Так, значит, немцы все-таки догадались... Теперь добра не жди. Как они расправляются с партизанскими семьями, всем четверым было хорошо известно.

— Что хотите, хлопцы, а я не могу, — не выдержал наконец Миша. — Пойду в Злынку, скажу немцам, мол, по своей воле ушел. Меня и казните...

— Подожди, дура, — прервал его Коля. — Да ты понимаешь, что говоришь? Ну придешь ты, расскажешь, и что? Своих не спасешь, а сам погибнешь... Тут надо придумать, чтоб немца обмануть и самому в живых остаться.

— А что если сказать, нас, мол, партизаны схватили? — сказал Андрей. — Трех забрали, а один убежал... А ну как поверят?

На том и порешили. Миша отдал Андрею свой обрез, шапку. Для вящего правдоподобия ему прострелили пиджак.

— Вот теперь иди... Да не забудь, что говорить надо!

Миша, не отвечая, пожал товарищам руки и, глотая слезы, зашагал прочь...

Много позже, уже когда он оказался в отряде, Андрей узнал: хитрость удалась, немцы поверили, что партизаны их увели силой и выпустили родных.

К вечеру четвертого дня скитаний трое усталых, изголодавшихся мальчишек побрели в лесной поселок Воронова Гута. Сидя на завалинке хаты, они ели хлеб, вынесенный сердобольной хозяйкой,

и запивали его молоком из глиняного глечика. Вдыхали. В голову лезли грустные мысли: «Что же делать дальше? Сколько еще придется скитаться, пока найдешь партизан? Да и найдешь ли их?»

Андрей первым заметил трех вершников, которые шагом выехали из лесу. На шапках мелькнули знакомые красные лычки. Андрей вскочил.

— Партизаны! Хлопцы, партизаны!..

И со всех ног бросился навстречу...

— А ты откуда знаешь, что партизаны? — спросил один из верховых, спрыгивая с коня. — А вдруг да полиция!..

— Не, дядя, неправда, партизаны вы!

— Ну а если и партизаны, так тебе-то зачем? Мы разведка, а не отдел кадров.

Внутренне Андрей вздрогнул: «А ну как не возьмут?»

— Дядя, — сказал он как можно убедительнее, — мы к вам... Нам обратно никак нельзя!

Из лесу выехало еще четверо партизан. Один из них в армейской фуражке, с немецким автоматом за спиной крикнул:

— Брось, Муха, смеяться над хлопцами... Пошли!

И Андрей, Коля и Витя зашагали вслед за разведчиками в глубь леса...

...Раскачиваясь и громыхая, мчит паровоз. Жаром пышет топка. Тоненькая черная стрелка скоростемера дрожит на восьмидесяти. Мимо узкого окошка, у которого сидит Андрей, сплошной полосой бежит лес.

Над окошком табличка: «Машинист! Проезд запрещающего знака есть тягчайшее преступление перед государством».

Потом, когда в диспетчерской будет расшифрована лента, извлеченная из прибора-самописца, на стол начальника Ковельского депо ляжет очередная рапортिका. В ней, как и всегда, будет сказано, что машинист Григорьев на паровозе Л22-11 во время движения на плече Ковель — Ягодин в точности выполнил график, без отклонений выдержал заданную скорость и что вообще все было нормально, никаких происшествий не произошло... Так оно и должно быть у классного машиниста.

Но, разумеется, диспетчер не отметит в рапортике, что участок Ковель — Ягодин для машиниста Григорьева не просто отрезок стальной магистрали от основного до оборотного депо. Не просто плечо, как говорят железнодорожники.

А мне в шумном дыхании цилиндров слышится: «Здесь-здесь», «Здесь-здесь», «Здесь-здесь»...

Из-под колес посыпался перезвон стрелок. Мелькнула на перроне красная фуражка дежурного. И станция Пидгородна осталась позади. Андрей повернул ко мне взволнованное лицо. Оно показалось мне необыкновенно молодым, почти детским. Одним словом, тем самым,

что я видел еще двадцать с лишним лет назад. И я скорее догадался, чем услышал приглушенное грохотом паровоза слово:

— Здесь!

Я открыл узкую дверцу и выглянул наружу. Нет, не узнать тех мест. Да и не приходилось мне на них смотреть с высоты паровоза.

Здесь, под станцией Пидгородна, Андрей Григорьев принимал участие в первом на этой линии взрыве вражеского эшелона. Было это летом сорок третьего.

За год, который прошел с тех пор, как я впервые увидел его, Андрей здорово изменился. Исчез прежний неуклюжий и нескладный мальчишка. Андрей возмужал и окреп, побывал во многих боях. Можно сказать, прежним остался только костюм — кургузый пиджачок да черная сатиновая рубаха, чуть живая от ветхости. А ботинки не вынесли трудных партизанских походов. Их пришлось выбросить. И в то лето Андрей ходил босиком.

Прошел патруль, тяжело громыхая по шпалам коваными сапогами. За ним по линии промчалась дрезина. Немцы, сидящие на ней, время от времени постреливали из пулемета. Пули, щелкая по веткам, просвистели над головами партизан. За дрезиной над линией на бреющем полете взад и вперед пролетел самолет.

— Ну, Леня, — прошептал Андрей своему второму номеру Петухову. — Видать, не простой поезд пройдет. Вот увидишь!

За поворотом раздался долгий гудок. Послышался перестук колес. От партизана к партизану прошелестела команда:

— Приготовиться!

Андрей видел, как, пригибаясь, побежали к линии подрывники Иван Воронов и Саша Федоров. Вот они на линии. Секунда, другая — и уже бегут назад, разматывая за собой шнур... И тут же из-за поворота показалась черная громада паровоза. За ним — классные вагоны...

— Ого! — сказал Петухов. — Верно, начальство едет!

А поезд уже рядом. Андрей ясно увидел немецкого машиниста, высунувшегося из окна кабины.

— Ну посмотрим, как сейчас будет выглядеть этот фриц!

Под колесами паровоза сверкнуло багровое пламя. Ударило. Заскрежетало. Вагоны, становясь на дыбы, полезли друг на дружку.

Позже разведка донесла, что группа Ласого взорвала эшелон, в котором ехали гитлеровские старшие офицеры — отпускники, возвращавшиеся на фронт. И Андрею стало понятным, почему этот поезд фашистское железнодорожное начальство оберегало так тщательно...

...А наша поездка подходит к концу. Давно миновали Пидгородну. Позади Мацев. Вот-вот покажется входной светофор Ковеля.

— Зеленый! — докладывает помощник.

— Вижу зеленый! — откликается Андрей.

Рейс окончен. Андрей отогнал локомотив на экипировку, сдал его сменщикам, взял свою «шарманку» — традиционный чемоданчик машиниста, и мы шагаем с ним из депо домой.

Завтра снова в рейс на Ягодин или на Сарны, а может, и на Киверцы. В рейс по знакомому плечу. По одному из тех, на которых прошла партизанская молодость, а теперь идет большая трудовая жизнь машиниста Андрея Григорьева...

СОЛЬ

Беда пришла не с той стороны, откуда мы ее ждали: кончилась соль.

Не было ее и в других партизанских отрядах, густо населявших Клетнянский лес в декабре 1942 года.

Многие счастливики, которым удавалось неведомо как раздобыть хоть щепотку соли, завязывали ее в узелок и тайно окунали затаканную по карманам тряпицу в свои котелки и в котелки ближайших друзей...

В окрестных селах за соль можно было выменять что угодно: бараний полушубок, мед, сахар, даже корову...

Выискивались самые разнообразные заменители. Одни солили еду горьким калийным удобрением, от которого начинался отчаянный понос, другие подсыпали в пищу известь, третьи приправляли варево хвойным настоем и даже табаком.

Но ничего не помогало. Несоленая пища оставалась трава травой, а заменители придавали ей такой вкус, что проглотить ее было невозможно, даже умирая с голоду.

Мало-помалу бессолевая диета начала сказываться и на нашем партизанском здоровье. Люди стали вялыми, десны у них побелели, зубы шатались.

Нужно было во что бы то ни стало раздобыть соль.

Командир нашего партизанского соединения, генерал Федоров, отрядил взвод Феде Быстрова и строго-настрого наказал без соли в лагерь не возвращаться.

В это же самое время наша диверсионная группа под командованием Алеши Садиленко возвращалась с железной дороги. Задание нам выполнить не удалось: на линии немцы нас обнаружили, нам едва удалось унести ноги, и мину пришлось взорвать вхолостую. Обидно возвращаться в лагерь с пустыми руками. Поэтому и наш командир и все мы горели желанием отличиться хоть в чем-нибудь.

В небольшом белорусском селе Веревки мы повстречались со взводом Феде Быстрова. Там же оказалась и небольшая группа из отряда Шемякина, так же, как и Быстров, рыскавшая по округе

в тщетной надежде наткнуться где-нибудь на соляные залежи. Командовал этой группой Игорь Лобанов.

В хате, в которой расположились Алеша Садиленко, Володя Клоков и я, собрались командиры. Мы выпили и, с трудом пережевывая несоленую картошку с салом (это блюдо у нас почему-то прозвали «мечтой диабетика»), лениво переговаривались. Кто-то из шемякинцев, кажется, Саша Гибов, невзначай сказал:

— Эх до райцентра, до Гордеевки бы добраться! Вот где соль есть! Мне связной говорил — вчера три тонны немец туда завез.

Алеша даже на месте привскочил:

— Ты это точно знаешь?

Вопрос был излишним. Шемякинцы действовали в этих местах давно, имели в селах густую сеть связных и обо всех происшествиях в округе всегда были прекрасно осведомлены. Гибов ответил:

— Три тонны, точно. Меняют у теток: стакан соли — пять килограммов сала.

— Хлопцы, рубанем Гордеевку! — загорелся Алеша. — С ходу! Немец и не рыпнется. Будьте уверены!

— А почему бы нет! — поддержал его Быстров. — Ночи сейчас длинные. В случае чего уйдем. Ты как, Лобанов?

Игорь Лобанов передвинул свою серую «шемякинскую» шапку (шапки у всех шемякинцев были одинаковые) с затылка на брови.

— Что ж, можно, — медленно произнес он. — Почему не попробовать?

Сразу же началось обсуждение всех деталей предстоящей операции. Подсчитали людей. Оказалось, что мы располагаем довольно внушительными силами: сорок пять человек, три ручных пулемета, пятнадцать автоматов и даже ротный миномет. Среди шемякинцев нашелся партизан по фамилии Бородулин, отлично знавший дорогу. Для вывозки соли решили мобилизовать у местных жителей имеющихся лошадей и сани.

По сведениям, которыми располагали шемякинцы, гарнизон местечка насчитывал около сотни полицаев и шестьдесят немцев, расположенных в комендатуре.

Мы поэтому могли рассчитывать на успех только в случае, если удастся напасть врасплох.

* * *

Мы с Володей Клоковым ехали в своих собственных санях, запряженных парой добрых коней, реквизированных нами у полицаев. По признаку прошлой принадлежности мы выбрали нашим лошадам и клички: одна из них называлась Геббельс, другая — Геринг. Володя уверял меня, что кони возмущены подобными прозвищами и лягаются, как только их слышат.

Наши «персональные» сани были оборудованы по всем правилам. Они имели деревянную спинку, привалившись к которой на ходу можно было недурно вздремнуть, поверх сена лежала роскошная полсть из распоротого мешка от грузового парашюта, служившая для закутывания ног, а со стороны Володи на окаймляющих сани жердях-билах висело несколько ручных гранат. Володя клялся, что сани он не бросит ни при каких обстоятельствах и будет защищать их до последней капли крови. Это, впрочем, не мешало ему хранить на дне саней про запас трофейные лыжи.

Словом, мы с Володей во всеоружии были готовы к любым передрягам.

Путь от Вережки до Гордеевки шел полем. Когда наши сани въезжали на бугорок и в желтом свете луны становился видным весь наш обоз, растянувшийся жидким пунктиром на снежной дороге, в голову невольно закрадывалась мысль: «А ну как немцы обнаружат нас раньше времени? Тогда не уйти!»

Впрочем, такие мысли, кажется, беспокоили только меня. Володя, глубоко надвинув на голову капюшон своей киреи и засунув руки в рукава, тихонько посвистывал носом. Володя славился умением спать в любых обстоятельствах.

Наконец скрип полозьев впереди затих, колонна остановилась, я растолкал Володю, и мы пошли к головным саням. Там уже собрались и все остальные. Впереди смутно чернели строения. Это была Гордеевка.

Быстров, по общему согласию выбранный начальником операции, тихо скомандовал:

— По местам!

Тихонько заскрипел снег под осторожными шагами, и белые маскхалаты уходящих партизан постепенно слились с лунно-белым сумраком ночи.

На месте осталась группа, возглавляемая самим Быстрым. В эту группу входили и мы с Володей, Алеша Садиленко, Саша Гибов.

Мы легли ничком на снег и молча стали ждать условного сигнала к всеобщему наступлению.

Ждать боя на войне — самое трудное. Я старался не думать о предстоящем, припоминал всякие довоенные происшествия, но мысли все время перескакивали на другое. Я представлял себе, как перебегу отделявшее нас от крайних домов городка пространство, а потом...

Это «потом» представлялось мне весьма туманным. Может быть, вот там, возле угла дома, стоит пулеметный пост, который встретит нас огнем в упор. Может быть, немцы уже давным-давно узнали о нашем приближении, приготовились и теперь только того и ждут, чтобы заманить нас на улицы и захлопнуть ловушку...

Я напряженно вслушивался, вглядывался. В местечке все было тихо. Даже собак не было слышно. Все собаки молчат — это хороший признак. А все-таки?.. А вдруг?..

Наконец где-то на противоположной стороне городка поднялась красная звездочка ракеты. Это означало, что на дороге, соединявшей Гордеевку с Красной Горой, выставлена наша застава, а группа автоматчиков под командой Лобанова заняла исходную позицию.

Быстров поднялся и, уже не таясь, закричал:

— Вперед! Бей полицейав!

Мы бегом кинулись к городку. Возле крайнего дома блеснула вспышка, прогремел единичный выстрел, от стены отделилась черная человеческая фигура и, размахивая руками, кинулась удирать. Как выяснилось, это стрелял проснувшийся часовой-полицейский. Быстров дал очередь, человек упал и замер на снегу.

А мы уже бежали по улице, стреляли в воздух, кричали:

— За Родину!

— Бей немца!

— Ур-а-а-а!

Сейчас нам море было по колено. Все тревоги рассеялись, будто их и не было. Захлестнутые общей волной, мы с Володией и Сашей Гибовыми добежали до конца улицы и остановились. Перед нами простиралась заснеженная площадь. Это был центр городка.

— Во-он там магазин, где соль хранят! — сказал Гибов. — Рядом с комендатурой.

Подбежал Быстров:

— Ну, чего стали! Айда!

Мы бегом пересекли площадь, посреди которой оказался сквер, и добрались до домов на противоположной стороне. Как сейчас помню это место. Здесь начиналась улица. В самом ее начале стоял магазин, рядом с ним — какое-то бревенчатое строение — не то баня, не то кладовая. Дальше, вдоль улицы, стояло длинное здание — школа, где помещалась полицейская управа. Напротив виднелся каменный дом комендатуры. Вокруг управы, магазина, кладовой стояли редкие голые деревья, росли какие-то кустики. И все это было залито мертвенно-желтым светом луны.

Спереди доносились частые очереди. Мы сразу догадались, что это ведет бой группа Лобанова, наступавшая на комендатуру с другой стороны.

Быстров, Володя Клоков, Саша Гибов и Ваня Головки, десантник, только что прилетевший к нам с Большой земли, добежали до полицейской управы. Гибов с размаху швырнул гранату в окно. Здание изнутри озарилось багровым светом. Громыхнул взрыв, посыпались стекла. Мы высунулись было из-за противоположного угла. И сразу в ответ перед нами вспыхнули оранжевые разрывы вражеских гранат. В стену защелкали разрывные пули.

— Назад! — закричал Быстров.

Мы отбежали назад к магазину. Только Ваня Головка залег возле угла здания и продолжал перестрелку с комендатурой.

Около обитой железом двери магазина возилось человек пять партизан. Палками, прикладами, стволами винтовок, действуя ими вместо ломиков, они безуспешно пытались сорвать тяжеленный амбарный замок.

— А ну разойдись! — крикнул подошедший Алеша Садиленко. — Володя, прошу!

Володя Клоков быстро привязал к замку четырехсотграммовую толвую шашку, чиркнул спичкой, зашипел бикфордов шнур.

— Ложись!

Гулко рвануло. Мы подняли головы. Дверь магазина сорвалась с петель и завалилась внутрь. Мы ринулись в магазин, освещая путь карманным фонариком. В углу, отделенном от остального помещения досками, блеснула соль.

— Есть! — заорало сразу несколько голосов.

Быстров дал зеленую ракету. Это был условный сигнал для партизан, охранявших обоз на окраине местечка.

Со стороны комендатуры по-прежнему гремели очереди, но теперь все уже стало на свои места. Специально назначенная группа партизан, засеившая в развалинах какого-то дома рядом с комендатурой, непрерывно обстреливала ее. Как и было условлено, наступать на комендатуру мы не стали, а только отвлекали внимание фашистов... Те огрызались свирепо.

Лежавший около угла дома полицейского управления Головка привстал, собираясь, наверное, перебежать к своим, и вдруг грохнулся, как подкошенный, на землю.

— Убит, — сказал оказавшийся рядом со мной командир отделения Муравченко. — Кто пойдет?

— Я пойду! — вызвался Лазарь Слободник. Он выскочил из магазина, за которым мы стояли, побежал. Но он не сделал и двух шагов, как со стороны комендатуры коротко прострочило. Слободник, взмахнув руками, упал. Муравченко ползком перетащил его назад, за магазин. Осмотрел, выпрямился.

— Наповал, — сказал он, — в сердце. Кто пойдет?

— Давай ты! — сказал мне Садиленко.

— Меня гонишь? А сам? — Мне показалось почему-то обидным, что я должен идти и рисковать, пока остальные будут отсиживаться в относительно безопасном месте за магазином.

— Ты что, боишься? — спросил Муравченко.

— А ты пойдешь?!

— Я?! Пойду!

Такая непоколебимая уверенность слышалась в голосе Муравченко, такая сила, что я застыдилась и поспешно сказал:

— Пойду, пойду! Давай веревку!

Мы разыскали в магазине веревку. Муравченко взял ее за один конец, и я пополз.

Наверное, потому что я был завернут в рваный кусок парашютной ткани, заменяющий мне маскхалат, немцы меня заметили не сразу. Я был уже на середине расстояния между магазином и тем местом, где лежал Иван Головка, когда рядом со мной поднялись фонтанчики снега, потом еще, еще. Я изменил направление. Теперь полз прямо к стене, чтобы под ее прикрытием добраться до товарища. Очереди ложились то справа, то слева, то спереди, над моей головой проносились разноцветные трассы, но я все-таки благополучно добрался до стены и оказался в «мертвой» зоне. Теперь немецкие пулеметы мне были не страшны.

Я подтянул Ивана к себе и перевернул его на спину, он был мертв. Пули прошли насквозь его шею, размозжили голову, он был весь залит кровью. Белое лицо почти сливалось с белизной снега. Только остановившиеся глаза были широко раскрыты и устремлены вверх, в черное бездонное небо.

Я обвязал Ивана под мышками веревкой и крикнул Муравченко:
— Тащи!..

Немцы сразу же приметили тело Головка и открыли по нему бешеный огонь. Я выждал, пока труп Ивана скрылся за край магазина, и двумя короткими перебежками, невредимым добрался до магазина.

В магазине кипела работа. Соль насыпали в мешки, плетеные корзинки, оказавшиеся на полках, глиняные горшки.

К дверям магазина то и дело подъезжали подводы, грузились и галопом мчались назад.

Подводам приходилось проскакивать через простреливаемое пространство.

Обоз остановился в конце улицы, по которой мы вышли на площадь. Ездовые по очереди ничком ложились на сани, орали несусветно, и лошади с храпом мчались вперед к магазину. Никто не обращал внимания на свистевшие вокруг пули. Только те, кто был постарше, перед тем, как ехать, мелко крестились.

Наконец вся соль была погружена. Быстров дал сигнал отхода: две красные и одну белую ракету.

Мы благополучно добрались до окраины местечка и встретились там с группой Игоря Лобанова. Там тоже имелись потери — был убит автоматчик, москвич Коля Тулышев...

Соль нам досталась дорогой ценой. Трое были убиты и один, пулеметчик Зефиров, ранен, к счастью, легко, в мякоть плеча.

Мы дождались, пока не вернулись посты, выставленные на дорогах, ведущих из местечка, и наш тяжело нагруженный обоз

тронулся в обратный путь. Когда мы были уже километрах в десяти, то увидели вдалеке яркие полосы автомобильных фар. К Гордеевке пришло подкрепление.

* * *

К утру мы вернулись в Вережки и остановились отдохнуть и похоронить погибших товарищей.

Деревенские женщины, как и везде в России, близко принимавшие к сердцу чужое горе, помогли обмыть убитых, сделали венки из еловых лап.

Мужчины помогли нам выдолбить в промерзшей земле яму и сколотить немудреные гробы из досок.

Мы похоронили наших ребят на деревенском кладбище, врыли оструганный столб и на его затесанной вершине написали чернильным карандашом:

«Здесь похоронены павшие смертью храбрых в бою с фашистским гарнизоном в Гордеевке партизаны Иван Головкин, Лазарь Слободник и Николай Тулышев. Декабрь 1942 года».

Прозвучали очереди прощального салюта.

Все обнажили головы.

А потом, щедро оделив солью участвовавших в операции крестьян, мы двинулись назад, в глубь хмурого Клетнянского леса, в лагерь нашего соединения. Мы везли с собой соль, а вместе с ней жизнь...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Проводник	3
Пусть он живет...	25
Знакомое плечо	33
Соль	41

Владимир Владимирович ПАВЛОВ

ПАРТИЗАНСКИЕ БЫЛИ

Редактор **Д. К. Иванов**

Технический редактор **О. Н. Ласточкина**

Сдано в набор 18.06.83. Подписано к печати 12.08.83. А 00707.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная
печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,14. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 2150. Зак. № 942. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

ЛОТЕРЕЯ «СПОРТЛОТО»

● Свыше 200 спортивных сооружений построены и реконструированы с участием средств, вырученных от продажи билетов спортивно-числовой лотереи «Спортлото». Сотни тысяч человек получили возможность систематически заниматься физкультурой и спортом, укреплять свое здоровье в немалой степени благодаря помощи спортивной лотереи.

● Тиражи лотереи «Спортлото» проводятся по субботам. В них разыгрываются денежные суммы от трех до 10 000 рублей. Каждый билет играет двумя вариантами (комбинациями) номеров и является выигравшим, если с результатами тиража совпадут не менее трех номеров в одном из вариантов.

● Все билеты бестиражные. Их можно заполнить на любой тираж года и даже на несколько тиражей вперед.

ЖЕЛАЕМ УДАЧИ!

**Главное управление спортивных лотерей
Спорткомитета СССР**